

Галина
МИЛОГРАДСКАЯ

ИЗМЕНА.

ЦЕ
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Удобная жена

18+

Галина Милоградская
Измена. (Не) удобная жена

«Автор»

2026

Милоградская Г.

Измена. (Не) удобная жена / Г. Милоградская — «Автор», 2026

- Кто это? – спрашиваю, через силу шевеля губами, и показываю телефон. Пусть оправдается. Пусть скажет, что это ошибка, шутка, что угодно! И я поверю. Но Костя пугающе долго молчит, подбирая слова, и надежда начинает с грохотом рушиться.- Скажи хоть что-нибудь! – срываюсь на крик. – Я заслуживаю знать правду! Костя протяжно выдыхает, подходит, присаживается передо мной. Аккуратно забирает телефон, бросает на кровать, берёт за руки и заглядывает в глаза.- Это моя ошибка, Вит, - говорит, наконец, тихо.- Ты мне изменил? – спрашиваю, понимая, как наивно и жалко звучит вопрос.- Всё уже в прошлом, - отвечает твёрдо, сжимает мои пальцы. Муж перестал видеть во мне женщину. Завёл любовницу для тела, а меня пытается убедить, что я - для души. Только во мне больше нет ни доверия, ни любви, одна боль. Из любимой я стала удобной, но долго так продолжаться не будет. Не позволю вытирать о себя ноги, месть будет холодной и сладкой.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	20
Глава 7	23
Глава 8	26
Глава 9	29
Глава 10	33
Глава 11	37
Гл	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Измена. (Не) удобная жена

Глава 1

Виолетта

Уже семь, сколько можно собираться?! Новый взгляд на часы, новый раздражённый выдох. Достал. Ну, серьёзно, это уже даже не смешно, я давно оделась, а Костя никак не может из дома выйти! Успела пересчитать все гортензии на кусте у беседки, подумала, какие указания дать садовнику, прошлась по списку задач на понедельник, а он до сих пор не вышел.

— Прости, рабочие моменты, — появляется, наконец. Никогда не умела долго на него злиться, особенно, когда так обаятельно и виновато улыбается. Этот раз исключением не стал: раздражение моментально улеглось, хочется улыбнуться в ответ.

— Когда-нибудь я выскажу Андрею всё, что думаю о звонках в не рабочее время, — ворчу, подставляя губы для поцелуя.

— Ты же понимаешь, у меня не бывает выходных, на связи двадцать четыре на семь, — отвечает Костя, звонко чмокнув.

— Иногда ненавижу твою работу, — трюсь носом о нос.

— Знаю, я тоже, — шепчет он и сплетает наши пальцы. — Идём, и так уже опаздываем.

— И кто же в этом виноват? — шутливо пихаю его локтем в бок. Костя демонстративно охает и подмигивает.

Кумовья на соседней улице нашего закрытого посёлка, пять минут неторопливым шагом, поэтому опаздывать особенно обидно. Впереди уже виднеется крыша их дома, когда у мужа снова звонит телефон.

— Только посмей!.. — начинаю угрожающе, когда он достаёт трубку из кармана.

— Это снова Андрей, — он показывает экран, с которого белозубо улыбается главный виновник наших ссор. — Надо ответить. Ты иди, я догоню.

Как же это достало! Когда Костя с Андреем открывали логистическую фирму, загруженность была в разы меньше, но, чем больше развивался бизнес, тем меньше я стала видеть мужа дома. Вроде надо радоваться: за три года мы переехали в новый дом в Подмосковном коттеджном посёлке, наконец появилась возможность прилично отдыхать, у дочек есть всё, что попросят, а моя зарплата уходит исключительно на мои хотелки, но мужа стало категорически не хватать. Сколько раз засыпала без него? Сколько выходных провели без папы? Всё чаще начала задумываться: стоят ли деньги постоянного отсутствия Кости?

Мы поженились пятнадцать лет назад, сейчас старшей дочке тринадцать, младшей — одиннадцать. Оглянуться не успеем, как они вырастут и выпорхнут из гнезда, и, когда этот момент настанет, хотелось бы видеть любимого мужа, а не его затылок рядом. Скоро отпуск только вдвоём, потом мой юбилей, вот тогда и начну плавно подводить к тому, что надо учиться делегировать полномочия, а не тащить всё на себе.

— Привет! — кричит Таня, едва заметив меня. Стас пляшет над мангалом, переворачивая шампура. — А Костю где потеряла?

— Там же, где и всегда. Работу работает, — не могу удержаться от вздоха. Беру предложенный нож и начинаю резать овощи на салат.

— Лучше так, чем искать себя на диване, — возвращает вздох подруга. Она знает, о чём говорит: Стас два года сидел без работы, искал себя. Догнал кризис среднего возраста, решил всё бросить, и Таня на себе тащила семью с двумя детьми, один из которых — муж. Пока вопрос о разводе ребром не поставила, он не нашёл работу.

— Костя бы так не смог. У него же вечно мотор работает, не усидеть на месте.

Смотрю на мужа, который только что зашёл. Что бы ни говорила, горжусь им невероятно. Всего сам добился, без помощи. Прогрызал путь наверх, при этом делал всё, чтобы семья была обеспечена. Когда я в декрете шесть лет сидела и одновременно училась, с дочками постоянно помогал. Поддержал, когда на работу пошла, больничные брал, чтобы меня не уволили. И теперь горит своим делом, я просто не имею права осуждать.

— У меня уши горят. Обсуждаете? — обнимает одной рукой, подмигивает Тане.

— Иди лучше Стасу помоги, — она напускает строгий вид. — А у нас тут девичьи разговоры.

— Знаю я ваши разговоры, только бы кости мужьям перемыть. — Костя целует в щёку, шепчет: — Ты же знаешь, что у меня всё равно больше.

— Иди уже, гигант! — подталкиваю, качаю головой. Интересно, когда-нибудь мальчики устанут письками меряться?

— У нас секса уже две недели не было, — вдруг вздыхает Таня. — Как думаешь, у Стаса кто-то появился?

С сомнением взглянула на её мужа. Большого домоседа ещё поискать надо, а как он на Таню смотрит!

— Ну, нет. Точно нет. Он до сих пор от тебя без ума, может, приболел? К врачу отправь, если проблема появилась.

— Не то, чтобы большая проблема, — тянет она с сомнением. — Просто он в последнее время раздражительный стал, и телефон от меня вечно прячет. Говорит, что ничего важного, но тогда зачем пароль поставил?

У нас паролей на телефоне нет, как у меня никогда не возникало мысли залезть в телефон Кости и что-то там искать. Мне тоже скрывать нечего, хотя на работе ухлёстывают ещё как. О каждом новом ухажёре Костя знал, вечерами смеялись, обсуждая горе-любовников. А вот Таня патологическая ревнивица, в каждой соперницу видит, вот и начала себя накручивать. Подозреваю, что Стас просто устал оправдываться, хотя получилось только хуже.

— Попробуй с ним поговорить.

— Как будто не пробовала! Сразу злиться начинает, огрызается, обвиняет, что душу его своей ревностью. А то я не знаю, сколько шалав мечтает из семьи его увести! Не дождутся!

Я ничего не стала говорить: тема долгая, как их брак. Таня ушла с работы, сидит с семилетним сыном, пока Стас вкалывает. Сказала, что это месть за два года, когда горбатиться как не в себя пришлось.

— Тань, он тебя и Елисея любит, ну, куда ему ещё женщина? Ты со своим темпераментом никого не переплунешь.

— Ага. А ещё животом, — она едва смогла ухватить кожу на плоском прессе. После ревности к мужу нытьё о том, что поправилась у Тани любимая тема, хотя её фигуре любая бы позавидовала. Даже у меня на бёдрах жира больше, но после двух родов они разошлись, не спрашивая разрешения. Занимайся — не занимайся, а жопу обратно не вернёшь. Главное, что Костя её любит, мнение остальных не интересуется.

— Девчонки, у нас почти готово, вы долго ещё? — зовёт Стас, поднимая шампура вверх. Невысокий, под метр восемьдесят, с уже начавшим намечаться животиком и двумя небольшими залысинами — Таня всерьёз считает, что кому-то, кроме неё, нужно такое счастье? Рядом со Стасом Костя выглядит Аполлоном: метр девяносто, широкие плечи, густые русые волосы, белозубая улыбка — за зубами он всегда особенно тщательно следил. Иногда смотрю на него и думаю: откуда на меня свалилось такое счастье? Столько лет вместе, а люблю, как будто вчера встретила.

— Скоро! — отвечает Таня и сыпает зелень в миску. Ворчит: — Хотела его на диету посадить, но тогда точно уведут. Пусть лучше поправляется, зато никуда не денется.

— Слушай, а Елисей-то где? — перевожу тему, чтобы избежать нового витка ревнивого монолога.

— У свекрови. На неделю забрала перед школой. Когда привезли, выслушала лекцию о том, какая я плохая мать, раз ребёнок до сих пор читает с трудом. Как будто я с ним не занимаюсь!

Мне со свекровью повезло: мудрая адекватная женщина, которая не лезет в семью, а в случае конфликта принимает сторону того, кто прав, и не всегда это Костя. А моя мама и вовсе идеальная тещей — живёт в Новосибирске, приезжает редко. Папы давно не стало, она замуж вышла, наладила новую жизнь.

— Вика тоже читать ленилась, пока в школу не пошла. Не обращай внимания, он ещё рассчитается.

— Надеюсь, а то достало уже слышать, какой Стасик был умница и как он в три года уже читал и стихи сочинял.

Сколько бы негатива ни сливала на меня Таня наедине, на людях она превращается в идеальную до зубового скрежета жену, которая постоянно подкладывает самые вкусные кусочки мужу и с обожанием заглядывает в его рот. Учитывая, что мы с Костей отлично знаем, какая она на самом деле, этот театр одного актёра всегда веселит. Первая бутылка вина подошла к концу, Стас только что открыл вторую, когда у Кости звонит телефон.

— Только не начинай — тяну я угрожающе, но Костя только виновато улыбается и выходит из-за стола. Возвращается раздражённый, хмурый.

— Что случилось?

— Над в офис ехать. С накладными накосячили, у нас несколько фур застряли на границе.

— А Андрей никак разобраться не может?

Крохотная надежда, что останется, быстро гаснет от его сокрушённого:

— Он в Питер улетел, сейчас уже в небе. Придётся ехать мне, разгребать.

— Надо тебе бухгалтера поменять, в последнее время косяк за косяком.

— У неё там что-то дома, поэтому пока не трогаю, но если продолжит, уволю нахрен, — мрачно обещает Костя. — Проводите потом Виту, хорошо?

— Я сама дойду. Но пока никуда не собираюсь. — Я подставляю губы для поцелуя, ехидно улыбаюсь. — Выпью вина за нас двоих.

— Не переборщи, а то завтра с девчонками до бассейна не доедем, а они ждут.

— Я — само благоразумие. А ты постарайся не задерживаться, у меня на эту ночь большие планы.

— М-м, кто-то хочет сегодня побыть плохой девочкой?

— Эй, вообще-то мы тоже тут! — возмущается Таня. Мы с Костей переглядываемся, одновременно хихикаем.

После стольких лет брака секс у нас, конечно, стал редким. Хорошо, если три раза в неделю, а иногда и за неделю ни разу: оба умотаемся на работе и хочется просто полежать вместе, без лишних телодвижений. Но когда до него доходит, отрываемся, как в последний раз. А после вина я точно собираюсь устроить ему ночью любви!

Не получилось. Я успела искупаться и лечь, а Кости до сих пор не было. Телефон не брал, видно, там реальная запарка, иначе ответил бы. Если бы выпила, дождалась, а так уснула почти сразу. Проснулась, когда прогнулся матрас. Костя забрался ко мне под бок, обнял и выдохнул в затылок. Накрыла его ладонь своей, улыбнулась темноте — главное, что дома, а не просидел всю ночь над документами.

Глава 2

Костя

— В следующий раз предупреждай заранее!

Андрей откидывается на спинку кресла, демонстрируя крайнюю степень недовольства. Ладно, мой косяк, никто не спорит, но нотации уже заколебали. Куриная грудка или тартар из говядины? Обед сейчас интересует больше, чем упрёки в моём морально-нравственном облике.

— Я серьёзно, Кот. Вита мне телефон оборвала, набросилась с обвинениями, что в выходной тебя дёрнул. До меня даже не сразу дошло, какой Питер, и что я там забыл!

— Слушай, я уже извинился, — огрызаюсь раздражённо.

— На выходные надо с семьёй быть, а не на любовнице скакать, сам же говорил.

— Я не ждал звонка, у Лики форс-мажор случился.

— Ага. Воспаление хитрожопости у неё случилось. Не думаешь, что её уже не устраивает просто секс? Смотри, как бы в семью не полезла.

— Не полезет. Мы на берегу условия обговорили: никаких отношений, только секс.

— А то ты женщин не знаешь! Сначала все соглашаются, а потом «люблю-не могу, женись на мне».

— Нахера она мне сдалась? Виту на подстилку менять не собираюсь.

Я наконец выбрал и поднимаю руку, подзывая официанта. Пока делаю заказ, Андрей сверлит недовольным взглядом. Осуждает. С самого начала дал понять, что прикрыть — прикроет, но поддерживать не станет. Как будто не понимаю, что феерично косячу! В какой-то момент осознал — разлюбил жену. Ценю, уважаю, она — мой тыл, лучший друг, но перестал видеть в ней женщину. И что, из-за этого разводиться? Да с хера ли?! У нас быт, дом, дочери, куча общих интересов. От того, что на жену встаёт раз в пятилетку, семью рушить? На стороне всегда было полно желающих выпрыгнуть из трусов. Раньше не пользовался, но год назад перемкнуло: пошёл налево.

Лица моя — зажигалочка в постели, такого секса сто лет не было. У нас с Витой давно всё по накатанной шло: короткая программа, обязательная. До произвольной доходить перестали, обоим хватает. Когда прожил пятнадцать лет с одной женщиной, изучил вдоль и поперёк, точно знаешь, где коснуться, где погладить, как поцеловать — приедается. Вот и я наелся. А Лица не только новизну принесла — встряхнула, расшевелила, и с Витой всё наладилось. Редко, но каждый раз по-новому. Не зря говорят: хороший левак укрепляет брак. Мой точно крепче стал. Если все довольны, в чём проблема?

— Молись, чтобы Вита не узнала, — ворчит Андрей, придвигая к себе тарелку.

— Не узнает. А если Лица начнёт берега путать, быстро пойдёт в пешее эротическое, — пожимаю плечами.

Мы познакомились банально — она в меня въехала. Это и аварией не назвать, так, слегка поцеловались, но она глаза распахнула, реветь собралась, пришлось успокоить. Сказал: ничего страшного, проехали. А она всё равно в слёзы. Извиняться начала, смотрела так, будто я убивать начну. За что? На бампере даже царапины не осталось, с хера трагедию разводиться? Угостил кофе, разговорились, слово за слово, через неделю снова встретились. С ней было легко, а ещё — внезапно интересно. Новый человек со своими историями, опытом, мнением. Как поток свежего воздуха. Предупредил сразу — женат, разводиться не планирую, если хочет, можем встречаться для взаимного удовольствия. Согласилась, и понеслось.

Мне тридцать шесть, ей — двадцать восемь, своя квартира, там и встречаемся. Денег не требует, подарки дарю, но не скажу, что много из семьи забираю. Всем хватает. Конечно, это ненадолго, со временем расстанемся, а сейчас просто наслаждаемся друг другом.

— Вроде нормальный мужик, а иногда мудачишь, Котяра.

— Кто не без греха? — тонко улыбаюсь.

— А если бы Вита налево пошла?

Такого даже представить себе не могу. Моя Вита не из таких, для неё семья на первом месте, всегда была, есть и будет. Да и с чего ей гулять, когда всё устраивает?

— Это из разряда фантастики, нет смысла обсуждать.

— Конечно. Что положено Юпитеру, не положено быку? — Андрей усмехается.

— Именно, — тычу в его сторону вилкой. — Кстати, что там у нас с грузинами, договорились?

— Соскочил с темы? Ок. Я на границу Артемьева отправил, пусть договаривается. В конец оборзели, мало им. Будут дальше хаметь, придётся искать пути объезда. Время увеличится, но издержки покроет минимальная комиссия за пересечение границы

В конце недели у Насти день рождения. Одиннадцать уже, не верится. Едем с Витой за подарком, в душе не знаю, что она выбрала. Все подарки на ней, от меня только сюрпризы, даже себе Вита всегда сама выбирает, а мне только сумму озвучивает. Удобно. Когда-то сам выбирал, покупал, радовался, наблюдая за реакцией. Потом как-то на нет сошло. Вита сказала, проще самой что-то найти. И правда стало проще — морочить голову не надо. Пока Виту ждал, Лика сообщение прислала. Говорил же не писать первой!

Котик, твоя мышка соскучилась!

Три дня назад виделись, когда только успела? Сейчас не до неё совсем: на работе завал с грузинами, у дочки день рождения, какая может быть встреча? Потерпит.

Пока не могу, занят. Позже позвоню

Сообщение улетает одновременно с машиной Виты, которая паркуется рядом с моей. Привычно оцениваю внешний вид — как всегда идеальна. На работе не позволяет себе ничего лишнего, строго деловой стиль. Не большой начальник, но главный бухгалтер в крупной фирме, ещё и удалённо две ведёт. У неё не мозг — компьютер.

— Опять работа? — недовольно смотрит на телефон. Быстро убираю в карман, улыбаюсь.

— Рядом с тобой никакой работы, обещаю.

— Смотри, ловлю на слове. Ну, что, идём?

Покупаем два диска с играми для плейки: какие-то аркады, Вита сказала — что-то развивающее в игровой форме. Кружки, развивашки, спортивные секции — это тоже всё на жене. Девчонки у нас активные, надо как-то пар выпускать. Старшая в бассейн ходит, младшая — на художественную гимнастику. В большой спорт, конечно, пробиваться не планируют, но награды и медали регулярно приносят. Горжусь моими девочками, достойно их воспитываем, никаких денег на это не жалко.

— Ты решил, куда поедет? Пхукет или Лаос? — спрашивает Вита вечером. Дочки спят, мы сидим в саду на качелях, пьём вино. В такие вечера кажется, что Земля, наконец, остановилась, и можно перевести дух.

— М? Ты о чём? — пытаюсь уловить связь — мы только что обсуждали день рождения.

— У меня отпуск через месяц. Забыл, да?

Вита не часто обижается, истерики никогда не устраивает, но, если обиделась — будет молчать несколько дней, пока прощение не вымолю. Реально забыл.

— Прости, Витусь, грузины эти весь мозг выели, из головы вылетело. Заказывай билеты, куда сама хочешь. Мне без разницы.

— Тебе вечно без разницы, — ворчит с обидой и отворачивается. После небольшой паузы продолжает: — Такое ощущение, что это только мне нужно. Тебя, кроме работы, последнее время вообще ничего не интересует.

Говорят, у женщин на измену чуйка. Заметно, что отдалился? Надо исправляться, а то на самом деле узнает. Что тогда будет, представить страшно.

— Прости. — Беру за руку, поглаживаю костяшки большим пальцем. — Может, правда стал меньше внимания уделять, но ты ни при чём, и девочки тоже. Кажется, я просто стал трудоголиком.

— Мне нужен муж рядом, а не трудоголик. Денег достаточно, а ты продолжаешь за ними гнаться. Тебе мало?

— Ты тоже две фирмы сверх работы ведёшь. Тебе мало? — начинает бесить.

— Ты же знаешь, что это друзья, которым помогаю. И забирают они несколько часов в месяц от силы, в отличие от вечно занятого тебя.

— Откуда эти претензии? Всё устраивало, и вдруг перестало!

— Давно уже не устраивало, Кость. Нам надо что-то менять, иначе это путь в никуда. Я не хочу жить с соседом вместо мужа.

Её слова неожиданно задевают. Вита не соседка, а близкий, родной человек.

— Прости, — выдыхаю. Поворачиваюсь всем корпусом, заглядываю в глаза. Они у Виты нереальные — серые, прозрачные. — Обещаю, что постараюсь исправиться.

Этой же ночью стараюсь загладить вину, и утром она уже всю улыбается. Гроза прошла над головой, но не разразилась. За завтраком снова Лика пишет, капризничать начала. Надо и её успокоить, а ещё снова напомнить, чтобы перестала напisyвать первая.

Глава 3

Лука

Он опять все выходные с семьёй. И вроде понимаю, что не имею права предъявлять претензии, но сердцу как объяснишь? Мне постоянно его не хватает, всегда мало. От одной улыбки таю, когда смотрит — внутри огонь разгорается. Ведь приказывала себе не влюбляться, до последнего сопротивлялась. Повторяла, что это просто секс, отличный секс с шикарным мужчиной. Но Костя заставил чувствовать себя женщиной с большой буквы, и я поплыла.

Девчонки на работе часто со смехом говорили: хочешь подцепить миллионера — въедь в его машину. Та авария не была подстроена, но сработало! Пусть Костя и не миллионер, но то, что мужчина обеспеченный, было видно невооружённым взглядом. Когда он из машины вышел, у меня дыхание перехватило. Такие только в фильмах бывают, и то под тонной грима, а этот — настоящий. Высокий, спортивный, с твёрдыми скулами и пронзительным взглядом. А ещё — с кольцом на безымянном пальце, его я сразу заметила, поэтому удивилась, когда предложил выпить кофе.

Никогда не мечтала быть любовницей или содержанкой. В универе на бюджете училась, работу нашла не по блату, а потому что пороги обивала и по собеседованиям кочевала. Сейчас могу похвастаться должностью менеджера по работе с иностранными клиентами, веду с ними переговоры по закупке холодильного оборудования. Получаю нормально, из плюшек только квартира, которая от бабушки досталась.

Я не ждала принца на белом коне, и Костя едва ли может им стать. Сразу сказал, что разводиться не собирается, что жену ценит. Не плёл сказки, какая она гримза, или что болеет, потому не может бросить. Этим, кстати, зацепил — честностью. Муки совести меня не мучали и до сих пор не мучают. Его жена — его проблема, не вижу смысла переживать о незнакомой женщине. Говорят, от хороших налево не ходят. Думаю, ходят, ещё как, было бы желание.

Не знаю, когда начала влюбляться, но со временем каждая наша встреча стала долгожданной, а разлука — бесконечной. Мне надо постоянно быть рядом, слышать, чувствовать, касаться. Так хочется хоть раз сходить куда-нибудь вместе! Просто по набережной прогуляться, посидеть в кафе без страха, что увидит кто-то из знакомых. На работе о Косте никто не знает, для всех я — свободная от семьи и отношений. Я же всё больше о семье задумываюсь. Хочу детей, похожих на Костю. Хочу, чтобы по вечерам он приходил ко мне, а не ехал к жене. Просыпаться с ним хочу каждый день, а не раз в несколько месяцев, пока жена с детьми у тёщи в Новосибирске. Живу в постоянном страхе, что он решит всё прекратить, и сама же себя накручиваю. Знаю, как глупо ревновать к жене, но эта ревность недавно появилась и уходить отказывается.

Она ему детей родила? Я тоже могу. Была рядом и поддерживала? Так и я поддерживаю, когда по работе жалуется. Всегда встречаю с улыбкой, готовлю вкусно, голова не болит. Из души рвутся слова: «Выбери меня! Люби только меня! Уйди из семьи!» Не знаю, как до сих пор удаётся сдерживаться, эта любовь иссушает изнутри, превращает в параноика и истеричку. Да уж, белое пальто на то и белое, что когда-нибудь его заляпают, и ты окажешься на месте тех, над кем снисходительно улыбался.

В своё время не могла понять подруг, которые влюблялись и забывали обо всём. У меня такого не было, считала себя человеком прагматичным и рассудительным. Брак? Только с оценкой всех рисков, с достойным и надёжным мужчиной. Любовь приходит и уходит, а кушать хочется всегда. И с Костей начинала тоже по расчёту: привлекательный, эрудированный, в постели идеально подходит. А то, что женат, даже на руку — не будет ставить никаких условий и предъявлять претензий, не будет требовать съехаться или просто завязать отношения. Сперва именно так и было. Когда же всё пошло не так?!

Вечерами мечусь по квартире и жду от него хотя бы короткого сообщения. Постепенно теряю себя, понимаю это и ничего не могу сделать. Уйти от него, бросить? Не представляю сейчас жизнь, в которой не будет этих редких встреч, нашей страсти. Пыталась спрашивать совет в интернете, но там либо «сама виновата, шлюха», либо «бросай, пока не поздно». Но уже поздно. Слишком глубоко в него проросла. Пару раз даже мелькала сумасшедшая мысль забеременеть тайком, а потом поставить перед фактом, но так точно никогда не смогу сделать. Дети должны быть желанными, а не зачаты в попытке удержать мужчину.

Сегодня он обещал приехать, и я уже час подгоняю стрелку на часах, которая специально застыла и не двигается. Тревожность и волнение выкручены на максимум, меня трясёт от нервов. Когда звонит домофон, буквально подбрасывает, срываюсь с места, как будто он поднимется на седьмой этаж за три секунды. Открыв дверь, слушаю, как поднимается лифт, и сердце выскакивает из груди. Стоит только увидеть — все слова мигом заканчиваются, остаётся только чистое счастье. Обнимаю прямо на пороге, прижимаюсь носом к шее, дышу им, жалея, что нельзя надышаться впрок.

— Соскучилась? — спрашивает с лёгкой хрипотцой. Киваю, не в силах ничего произнести — комок перегородил горло. Мой, только мой сейчас! Обнимает, сжимает широкие ладони на попе, притягивает к себе плотнее. — Тогда в спальню?

Это предложение всегда вызывало восторг, а сейчас обжигает горечью — он же здесь только для секса, хотя я могу дать всё, лишь попроси. Когда губы блуждают по шее, а руки скользят по телу, горечь растворяется. Принимаю его напористые движения со сладкими стонами, но даже сейчас контролирую себя, чтобы не оставить следы на спине и лопатках. Смотрю в напряжённое лицо на самом пике перед оргазмом, не могу оторвать взгляд.

— Когда мы увидимся в следующий раз? — спрашиваю, лёжа на его груди. Пальцы рисуют круги на животе, обвожу каждый кубик пресса, тянусь к шее, чтобы поцеловать. Он только приехал, а я уже скучаю.

— На следующей неделе улетаем с женой в Пхукет на десять дней, — тихо говорит он, поглаживая по спине. — Как вернёмся, сразу к тебе.

— Успеешь устать от благоверной, да? — усмехаюсь. Обычно про жену мы не говорим, он даже по имени её не называет, хотя в телефоне записана «Любимая». Я записана «Артур», и это так нелепо, что даже не смешно.

— Успею соскучиться по тебе, — отвечает со смешком. Приподнимает подбородок, смотрит в глаза. — Жаль, нельзя с тобой съездить в отпуск.

— Так возьми меня с вами, — говорю, сама не думая, что несу. Костя улыбается шире. Закидывает руки за голову, мечтательно тянет, глядя в потолок:

— Представляю, как по очереди гулял бы с вами, а местные смотрели, как на султана.

— Ну, а что? Я бы не попадалась вам на глаза, зато, когда твоя жена уезжала бы на экскурсию, мы проводили бы время вместе.

— Да уж, — хмыкает иронично. — Жаль, что об этом можно только мечтать. К тому же, в отпуске мы с женой всегда вместе. Так что я мог бы только смотреть на тебя издалека.

— Звучит романтично, — шепчу, целуя в грудь, прямо над сердцем. Есть у него хоть капля тех чувств, которые разрывают меня на части?

— Я не такой романтик, как ты себе представляешь.

Плавнo перевернув на спину, он нависает сверху, томно смотрит на губы. Тянет полным обещания голосом:

— Зато, когда вернусь, проведём вместе весь день, обещаю.

— И ты останешься у меня на ночь, — кладу ладонь на щёку, тяну на себя.

— Постараюсь, — выдыхает в приоткрытый рот и целует.

До отъезда мы больше не видимся, хотя я надеялась, что Костя найдёт время для встречи. Постоянно смотрю на его фотографии, сделанные тайком — он категорически запретил себя

фотографировать. Соцсети не ведёт, но я слежу за ним через аккаунт жены, куда она выкладывает фото из отпуска. С ней он расслабленный, постоянно улыбается, смотрит с любовью. Иногда его лицемерие вызывает ужас, как и цинизм, с которым относится к измене. Сейчас, вдали от Кости, сознаю, насколько он эгоистичный человек, как можно такого любить? Но я люблю, вопреки всему, а не благодаря достоинствам.

На пятый день нервы сдают: выходной, который провожу одна, за окном дождь, и слёзы текут без остановки. Зачем мне эти отношения, на что я трачу свою молодость, жизнь? Если расставить все точки сейчас, больше мы никогда не увидимся, или он приедет и скажет, что хочет остаться со мной? Рискнуть? А если выдохнет с облегчением и найдёт другую?

Достаю бутылку белого вина, просто необходимо заглушить на время мысли. Так больше не может продолжаться, хватит. В конце концов, у меня тоже есть желания, планы, мечты. Переживу разрыв, отболит и забуду. Живут же как-то люди после расставания, и я буду. Захожу на страницу жены, и новый удар под дых: они на пляже у костра, блики пляшут на его лице, отражаются в глазах. За спиной чёрная полоса воды. Это я должна была сидеть рядом! Это меня он должен был обнимать! Сейчас в Пхукете одиннадцать, у нас только семь, и я уже слегка пьяна. Говорил, что смотрел бы на меня, если бы была рядом? Делаю игривую фотографию, позволяю бретельке домашнего сарафана сползти с плеча и слегка обнажить грудь. Набираю полные лёгкие воздуха, выдыхаю и отправляю с подписью:

Надеюсь, ты скучаешь так же, как я

Сердце гулко стучит, пока жду ответ. Вижу — прочитал, но молчит слишком долго. Наконец ответ приходит. В желудке ворочается ледяной клубок непрерывно шевелящихся змей.

Кто это?

Жена. Прочитала жена. Неужели я своими руками всё разрушила? А может, это его путь к свободе, а мой — к нему?

Глава 4

Виолетта

Белоснежный песок, лазурное море, солнце, садящееся прямо в воду — ещё несколько лет назад не могла себе представить, что буду запросто жить в бунгало на первой береговой линии и начинать утро с коктейля из свежавыжатого сока. Пальцы утопают в песке, волны ласкают ступни, мы сидим на качелях, которые стоят прямо в воде. Точнее, сижу я, а Костя лежит, голова на моих коленях, и неторопливо покачивает ногой.

— Знаешь, я рад, что мы сюда приехали. Голова реально перегружается, так хорошо, что не надо постоянно думать о работе.

— Теперь ты понимаешь, как далеко от нас ушёл, погрузившись в дела? — перебираю его волосы, люблюсь расслабленным лицом. Исчезло напряжение из глаз, он стал почти таким же, как привыкла: с постоянной улыбкой, без капли раздражения. Таким, каким его полюбила.

— Прости, — тихо говорит он, ловит мою руку и целует костяшки. — Надо больше времени проводить с семьёй. Поговорю с Андреем, когда вернёмся.

— Правильно. Сейчас у тебя детокс от телефона, увижу, что снова в работе, утоплю его.

— Андрея? — хмыкает Костя.

— Телефон, — отвечаю со смехом. Как же хорошо! Осталось четыре дня, по дочкам соскучилась, но с удовольствием провела бы тут ещё недельку.

— Давай в следующий раз в Мексику поедем. Говорят, там интересно и красиво.

— Давай! — Сам предложил! Кажется, сейчас взлечу от счастья: ему на самом деле интересно! Эта перезарядка нам обоим была необходима. Сегодня отпраздновали пятидесятилетие со дня свадьбы, только вдвоём, и никаких гостей-друзей не надо было. Счастье любит тишину.

— Пойдём в номер. — Костя хитро смотрит на меня. — У нас всё-таки первая брачная ночь. В этот раз твой папа точно не будет в двери ломиться.

— В этот раз к нам никто ломиться не будет.

Соскакиваю с качелей, ахаю, когда Костя подхватывает на руки и несёт к бунгало. Дома секс у нас, конечно, редкий, но здесь реально словно недавно поженились. Его прикосновения всегда чувственные, нежные, поцелуй голову кружат, и каждое движение заставляет тело вибрировать от наслаждения. Чувствую себя любимой, желанной, самой-самой.

— Я люблю тебя, — шепчу, а у самой слёзы на глазах. Люблю так, что сердце стало вдвое больше, дышать тяжело. Костя горячий. Обнимаю обеими руками, когда останавливается, удерживая вес на локтях и коленях. Потрясающе. Мы одно целое, накрепко спаянное, никогда не разделимся.

— Мне надо в душ, — бормочет он в мои волосы. — И тебе тоже.

Ночь влажная, кондиционер мы не включали, распахнули стеклянные двери, ведущие на пляж. И правда оба липкие, до сих пор тяжело дышим, улыбаемся довольно.

— Иди первый, я пока остыну.

Спихиваю его с себя, вытягиваюсь на кровати, счастливо выдыхаю. Костя уходит, в тишине слышно только шелест волн и громкое пение цикад в цветущих кустах. Погружаюсь в эту тишину, когда телефон Кости на тумбочке загорается. В Москве ещё не поздно, да и у нас одиннадцать, неужели Андрей? Он тайком с ним общался, пока я думала, что отвлёкся от работы? Обидно, конечно. Ну, ничего, сейчас поймаю с поличным!

«Артур». Не Андрей, может, кто-то из новых партнёров? Если это неважно, пока не стану говорить, завтра разберётся. К тому же, у нас уже ночь. Открываю сообщение и приподнимаю бровь. Интересно, кто это? Непонятная девица прислала моему мужу обнажёнку. Очень интересно История сообщений пустая, может, этот тот Артур так шутит? Но

Надеюсь, ты скукаешь так же, как и я

Это у него такой плоский юмор? Руки начинают дрожать, сердце не на месте, от ощущения надвигающейся катастрофы покрываюсь ледяным потом. По наитию захожу в журнал звонков, и там этот Артур почти каждый день светится, только здесь не созванивался. Это же не то, что я думаю, правда?

Кто это?

Пишу, не особо рассчитывая на ответ. Я должна не у неё спрашивать, у девушки, которая записана под мужским именем. Внутри окаменело всё, мозг отказывается верить своим глазам. Костя не стал бы мне изменять, да и когда, если вечно на работе пропадает? Наивная дура. На работе он, ага. Андрей прикрывал, пока он с ней кувыркался? Рот наполняется желчью. Медленно сажусь, опускаю ноги на пол, смотрю в телефон. Какой-то сюр. Не могу в это поверить, не хочу верить. Это происходит не со мной. Костя выходит из душа в полотенце, обёрнутом вокруг бёдер. Приглаживает мокрые волосы, улыбается, но замирает на полпути, когда замечает телефон в моих руках.

— Кто это? — спрашиваю, через силу шевеля губами, и показываю телефон. Пусть оправдается. Пусть скажет, что это ошибка, шутка, что угодно! И я поверю. Готова верить всему, что скажет, закрою глаза, заткну уши, притворюсь, что не видела. Но Костя пугающе долго молчит, подбирая слова, и надежда начинает с грохотом рушиться.

— Скажи хоть что-нибудь! — срываюсь на крик. — Я заслуживаю знать правду!

Костя протяжно выдыхает, подходит, присаживается передо мной. Аккуратно забирает телефон, бросает на кровать, берёт за руки и заглядывает в глаза.

— Это моя ошибка, Вит, — говорит, наконец, тихо.

— Ты мне изменил? — спрашиваю, понимая, как наивно и жалко звучит вопрос.

— Всё уже в прошлом, — отвечает твёрдо, сжимает мои пальцы.

— Но почему? — начинает колотить, сердце выскакивает из груди. — Чего тебе не хватало?

— Вит, — Костя кусает губы, глаза бегают по моему лицу. — Это ты не виновата. Просто я

— Новизны захотелось? — выплёвываю горько. — Решил, что на стороне дают лучше?

— Не лучше, но — Он встаёт и начинает расхаживать по комнате. Замирает в центре, взмахивает руками. — По-другому, Вит! Там просто всё по-другому! Ты — замечательная жена, мать, мой лучший друг, но я в какой-то момент я перестал тебя хотеть! Наш секс стал обязанностью, долгом, который надо выполнять! Разводиться? Но зачем? Я люблю тебя и ценю, как человека, и никого специально не искал! Так получилось.

Каждое слово — удар ножа прямо в сердце. Не знаю, сколько смогу их выдержать, кажется, оно вот-вот остановится. Даже заплакать не могу, всё внутри заледенело. Больше не хочет. Что может быть унижительней этих слов от любимого мужчины, с которым ещё несколько минут назад мы занимались любовью? Он спал со мной через силу?

— Вит, но это в прошлом, правда! Наш отпуск всё изменил, я словно заново в тебя влюбился! С ней всё кончено. Ты сможешь меня простить?

— А тебе нужно моё прощение? — сама удивляюсь, как могу говорить равнодушно, когда внутри ураган из мыслей и эмоций.

— Нужно. — Он снова подходит, возвышается надо мной, а у меня нет сил даже голову поднять, так и смотрю на его полотенце. — Я не хочу расставаться с тобой. У нас семья, у нас дети.

— Ты не думал об этом, когда спал с другой.

— Я знаю, это звучит неправдоподобно, но я реально собирался порвать с ней, когда вернёмся в Москву.

— Это никак не звучит, Кость, — поднимаю на него глаза. — Хочешь — бросай, хочешь — оставляй, мне всё равно. Разводиться не будем, я тоже не хочу ломать семью. Но ты Ты мне чужим стал.

— Вит, я — он опускается на колени, но я отодвигаюсь, безгласно отбрасываю его руки.

— Не трогай меня!

— Понимаю, — низко опускает голову. Само раскаяние!

Даже знать не хочу, сколько у них это длилось. Сколько вообще у него было женщин, когда он начал мне изменять. Самооценка в один миг устремилась к нулю. Я всегда так гордилась нашими отношениями! Гордилась мужем, тем, что выбрал меня. Оказалось, что уже неизвестно сколько лет жила в обмане. В сказке, которую он создавал.

— Завтра я возвращаюсь. Можешь оставаться и догуливать отпуск. Может, даже найдёшь кого-то, более привлекательного и желанного, чем я.

— Вит, давай не рубить с плеча. Мы обязательно с этим справимся, я больше никогда на сторону не взгляну.

— Раньше тебя ничто не останавливало. Хватит, Кость. Мне надо побыть одной, поэтому оставайся. Сделай для меня хотя бы это.

Странно лежать в одной постели с чужим человеком. Он на другом краю, под своим одеялом, а я буквально кожей ощущаю его присутствие. Даже дышу через раз. Свой билет поменяла, рейс утром. Как детям в глаза смотреть, не представляю. Как делать вид, что мама и папа до сих пор счастливы вместе? Но стоит представить, что придётся разводиться, совсем плохо становится. Своими словами Костя уничтожил меня, как женщину. Не могу злиться, не могу ненавидеть — всё равно. Лучше бы сказал, что влюбился, это смогла бы понять. Но это удар под дых. А свекровь? Ей как сказать, что любимый сын таким предателем оказался? Выходит, даже поделиться не с кем.

Утро начинается с головной боли. Костя тоже проснулся, чувствую его взгляд, но не смотрю в его сторону. Внутри пустота, ничего нет, двигаюсь, как робот. Что он сказал? Мы это переживём? Не представляю, как. Дочки пока у свекрови, не буду ей говорить, что уже вернулась. Пока хочется забиться в угол и оплакать свою сказку.

Глава 5

Костя

До сих пор не верю, что узнала. Улетела, ни разу не взглянув в мою сторону. На душе тяжело, как никогда не было, сердце ноет. Сам всё разрушил, как же хочется обратно! Надеюсь, простит, но пока от пустоты в глазах выть хочется. Не думал, что буду так переживать. Сажу в пустом номере, смотрю на свои руки и пытаюсь разобраться, что делать дальше. Обратно жену завоёвывать? Пока не время, надо дать ей возможность разобраться в себе. Самому бы тоже не мешало в мозгах поковыряться.

Лица, конечно, та ещё сука! Какого хуя, вот реально?! Нажралась что ли? На фотке с бокалом, ну, точно бухала. Сам тоже хорош — надо было её на время отпуска в чёрный список забросить, чтобы не сорвалась. Вроде с головой дружит, но иногда такие вещи выдаёт. Набираю её, не забывая о разнице во времени. Глубоко насрать, что в Москве сейчас пять утра, пусть объяснит, что это было. Трубку берёт после пятого гудка, сонная.

— Ты чего так рано? — бормочет неразборчиво, зевает.

— Это я тебя хотел спросить, что это было, — цежу раздражённо.

— М, тебе понравилось? — слышу — улыбается.

— Жене моей понравилось, — отрезаю холодно. Сомневаюсь, что её целью было поставить Виту в известность. Если бы хотела, давно нашла бы её номер в моём телефоне и накидала компромата. Как будто не знаю, что она меня фоткала. Пока нормально себя вела, меня не волновало.

— Она, что, узнала? — А вот сейчас Лица окончательно проснулась. — Прости! Прости, Кость, я не хотела! Я правда не хотела! Ты мне веришь?

Как ни странно, верю. Она не дурочка — так подставляться. Молчу, Лица начинает всхлипывать.

— Не бросай меня, Кость. Только не бросай, прошу!

Бросить? Первой мыслью именно это и было, и до сих пор не знаю, что делать дальше. С Витой, с Лицей, с нашими отношениями. Я сказал правду, жестокую, но не видел причин скрывать. Пусть так, чем будет думать, что влюбился в любовницу. С ней приятно, и только. Да, эмоции вызывает, но тут любовью и не пахнет. Да кому вообще эта чушь романтическая сдалась?! Любовь к Вите ушла незаметно, заменилась привычкой. С ней хорошо и удобно, чего ещё хотеть?

— Кость! — Лица уже в голос рыдает. Задумался и вообще о ней забыл. И смысл теперь её бросать, раз Вита знает? Полно семей, которые так живут, и все довольны. Цинично? Конечно. И снова удобно, причём, всем.

— Вернусь — поговорим, — достал этот вой. Сбрасываю звонок, падаю на кровать. Надо же было так проебаться! А ведь Андрей предупреждал, теперь припомнит, по-любому. Вите, конечно, на глаза пока лучше не показываться, правильно сделала, что улетела. Мы бы сейчас были, как пауки в банке, а так оба в себя придём и будем выстраивать новые отношения. Хотя я сказал, что с Лицей порву. Дождусь её решения. Бросить всегда успею.

Вита молчит, за четыре дня ни слова не написала. Всё время провёл у бассейна, или в номере. Туристки подкатывали, но всех деликатно послал, мне сейчас лишние проблемы не нужны. Пусть Вита не верит, но здесь я хранил верность и налево не ходил. Если подумать, только с Лицей ей изменял, нет привычки трахать всё, что шевелится, тут я брезгливый. Насколько велик шанс, что Вита простит, и всё будет как прежде? У неё мягкий характер, уравновешенный, никогда не истерила. Но гордости тоже хватает, я по ней, конечно, прошёлся. Жаль, конечно, что так обо всём узнала. С Лицей в конце концов всё бы закончилось, не соби-

рался и не собираюсь быть с ней до гроба. Она же отлично это понимает, тогда откуда эта истерика с «не бросай»? Хуй поймёшь этих женщин.

В день отъезда постепенно начинает накрывать паничка. На пустом месте, просто сердце колотится и потом заливает. Что дома ждёт? Вдруг вывезла вещи, забрала детей и исчезла? Маловероятно, но зря не звонил, надо было хотя бы дать понять, что раскаиваюсь. Хотя кого обманываю, удобно было: дома жена умница, там — любовница горячая. Самооценка на высоте, ждут и там, и там. На мужиков, которые любовниц меняют просто чтобы было, всегда смотрел снисходительно. Животные, что с них взять? Женщину надо выбирать не по оценке её ебательности, а по духу. Подходит, есть о чём, кроме секса, поговорить? Значит, тот человек. Никакого обмана, пряток обручального кольца, вранья про немощную жену, которую не могу бросить. Лика на все условия согласилась, никто насильно не заставлял. Разговоров о любви у нас никогда не было, забыл, когда это слово произносил, только дочек люблю безоговорочно и безусловно. Мои принцессы, моя гордость.

— Мужчина, вы не можете? — просит хорошенькая блондинка, волоча за собой огромный чемодан, перемотанный плёнкой. Помогаю сдать багаж, она болтает без перерыва, рассказывает, как отдохнула, будто это интересно постороннему человеку. Хорошо, что у нас места не рядом, голова бы опухла за несколько часов полёта.

— Позвони, как время появится, — говорит игриво, пока мы ждём багаж в Шереметьево.

— Я женат, — напоминаю, поднимая руку вверх.

— Ой, да кого это останавливает! Жена — не стенка, подвинется.

Вот такие легкомысленные дурочки вызывают отвращение. Им без разницы с кем, были бы бабки, да побольше.

— Прости, милая, — отвечаю с насмешкой. — Но место любовницы тоже уже занято.

Она фыркает и отворачивается. Вижу — взгляд уже шарит по пассажирам в поисках новой жертвы. С лёгкостью подхватив свой огромный чемодан она решительно идёт к какому-то бизнесмену лет пятидесяти. Что и требовалось доказать.

Свою машину оставлял на стоянке, стоит на месте, Вита не забрала, хотя могла, второй комплект ключей дома лежит. К дому подъезжаю напряжённый, руки стискивают руль. Выходить не спешу, просто смотрю на дом, почему-то вспоминая, как его выбирали. Тогда у нас было полно планов и желания их реализовать. У Виты глаза полыхали, а я не мог налюбоваться, чувствовал себя тем самым добытчиком, который мамонта принёс. Девчонки, мелкие ещё, носились по участку, а мы просто смотрели на них. Тогда представлял, как будем их растить, постепенно стариться вместе. Не хочу её терять. Сейчас понял, что не хочу. Надо приложить все усилия, чтобы простила. Глубоко выдыхаю и выхожу.

Вита дома, дочек нет — слишком тихо. Она не выходит навстречу, но и не прячется — сидит в беседке за ноутбуком, поднимает глаза, когда выхожу в сад. Мороз по коже от пустоты во взгляде. Сухо кивнув, она возвращается к работе. Сажусь рядом, пристально рассматриваю. Под глазами тени, щёки слегка запали. Переживает. Чувство вины зудит внутри.

— Я не хотел причинять тебе боль, — говорю тихо. Пальцы застывают над клавиатурой, Вита дышит спокойно, но я слишком хорошо её знаю: сдерживается.

— Не стоит волноваться о моём душевном равновесии. Ты ясно дал понять, что я тебе безразлична, — отвечает с горечью.

— Безразлична? Это не так, Вит. Я ценю тебя, ты — мой родной человек, мать моих детей.

— Функция, — выплёвывает и смотрит в глаза. — Для тебя я просто набор удобных качеств.

Как женщины умеют выворачивать всё наизнанку! Ей прямым текстом говоришь, что важна, а она всё сводит к потребительству.

— Тебе удобно так считать, чтобы проще было меня обвинять. Я никогда не видел в тебе набор качеств, только человека.

— Как ты говоришь, родного человека, которого с лёгкостью отодвинул в сторону. Ты меня вообще любил когда-нибудь?

Наверняка, мудрый мужик сказал бы «и сейчас люблю», но пресловутая честность не даёт соврать.

— Любил.

— Спасибо, — кривит губы, отворачивается. — Но иногда от твоей честности только хуже становится.

— Ты сможешь меня простить?

— Зачем? Тебе нужно моё прощение? Сомневаюсь. — Она глубоко вздыхает и продолжает, глядя прямо перед собой: — Разводиться я не буду только из-за твоей мамы, у неё и так сердце слабое. Но, если твоя любовница снова появится на горизонте, меня ничто не остановит.

Она, что, на измену меня благословила?! Ушам не верю.

— Девочки вернутся завтра, сегодня я тебя больше видеть не хочу. Можешь к ней ехать, отпускаю.

Звучит так, словно мама сыну погулять до утра разрешила. Где-то тут должен быть восторг, но нет. Чувство неприятное, она как будто снизошла до меня. Неужели настолько всё равно, или Вита у меня святая?

— Я не хочу никуда ехать, — начинаю неожиданно для самого себя. — Перелёт, джет лаг, хочу отлежаться

— Там отлежишься, — обрывает холодно. — Ты не понял ещё? Ты мне тут не нужен. В качестве мужа — нет, только в качестве отца. Дочки вернутся, и ты можешь возвращаться.

— Ты меня из собственного дома выгоняешь? — загораюсь. Чем больше говорит «уходи», тем больше хочется остаться.

— Да, Костя. Я выгоняю тебя из дома, из своей жизни, но не из жизни детей. Так что, будь добр, исчезни.

Меня как отхлестали прилюдно. Лицо горит, уши и шея — тоже. Вита бросает короткий взгляд, говорящий: «Ты ещё тут?», и я ухожу. Она даже не смотрит вслед. Разве не этого хотел? Жизнь не изменилась, семья осталась, а жена разрешила иметь любовницу. Почему тогда муторно на душе?

К Лике не еду, нет желания видеть её сейчас. Снимаю номер в гостинице, потому что видеть никого не хочу. Это пройдёт, надо просто переварить. Наверное, это усталость, меня как будто мешком муки прибило. Может, ей тоже на меня давно плевать, потому что отпустила так легко? Оказывается, в глубине души ждал, что попросит бросить Лику, или подаст на развод. Но ей, получается, тоже удобно? Неприятно это сознавать.

Глава 6

Виолетта

Я не знаю, как пережила эти несколько дней. Они слились в одно пятно, не могу вспомнить, что было день, два назад. Костя вернулся, и одному Богу известно, скольких сил мне стоил наш разговор. Чувствую себя старухой, хотя через две недели только тридцать пять будет. Ничего не хочется: ни праздника, ни внимания. Глаза утром открывать не хочется, а в понедельник на работу выходить, отпуск закончился.

В зеркало смотреть не могу, видеть себя не хочу, постоянно чувствую себя грязной. Пытаюсь уложить в голове, как Костя мог так поступить, но логика ломается о простой вопрос: почему? Почему всегда честный, справедливый, принципиальный муж поступил так подло? Почему не считал это предательством, притворялся, делал вид, что всё в порядке? Мы ведь много раз обсуждали ситуации, в которых могли бы разойтись. Да, в шутку, но измена входила в список причин. Я когда-то сказала, что разовую смогла бы простить, если он был пьяным. Но простить то, что длилось неопределённое количество времени. Значит, к ней у него вспыхнули чувства, и никакие оправдания о том, как ко мне остыл, не помогают.

Если разлюбил, почему не сказал? Сели бы, поговорили открыто, решили, что делать дальше. Я бы не стала за такой брак цепляться, постепенно бы подготовила детей, свекровь, и спокойно отпустила в свободное плавание. Чем больше думаю об этом, тем сильнее начинаю запутываться. Конечно, легко сказать — уйди, особенно, когда ситуация абстрактная или произошла с другим человеком. Теперь я сама в её эпицентре, пытаюсь представить развод и не могу. Как будто стопор стоит, не могу просто взять, и вырвать из сердца годы брака.

Он — предатель, но до сих пор мой, родной. Не могу оправдывать и не ищу оправданий, только вырвать его сейчас из семьи всё равно, что руку себе отрубить. Считала себя сильной, а оказалась слабой и жалкой. Постоянно сравниваю с той, другой, хотя понимаю, что мы разные. Да, она явно моложе, но ведь Костю не на молодуху потянуло, а именно к другой женщине. Не ко мне. Самооценка, всегда бывшая на высоте, рухнула. Ищу в себе недостатки, но их нет! Фигура в тонусе, до морщин ещё далеко, отличная грудь, попа имеется, за стилем слежу, так что во мне не так?! Как у него легко всё вышло: просто разлюбил. На пустом месте взял и разлюбил, так, получается? Или не любил никогда.

Надо собраться с силами, взять себя в руки — скоро дочки со свекровью приедут. Мы привыкли с ними честными быть, но тут не знаю, как всё рассказать. Надо ли им знать? Не малыши, но ещё не взрослые, Тома так вообще в переходный возраст входит, истерит по каждому поводу, всё не по её, всё не так. Настя, конечно, спокойнее, но тоже не предсказать реакцию.

Полина Михайловна приезжает с девочками на такси. Помогаю им выгрузиться — на две недели, что у неё провели, кучу вещей набрали, и свекровь сверху докупила. Говорила же ей, чтобы не тратила деньги, но всё равно балует. На это остаётся только вздыхать.

— Загорелая какая! — восклицает она. — Как отдохнули, Витусь? Всё понравилось?

— Отлично отдохнули, спасибо. — Тяну улыбку, пока от боли внутри всё сводит.

— А Костя где?

— Скоро приедет. Надо было по работе отъехать, — отвечаю уклончиво. Понятия не имею, когда вернётся. И увидеть хочется, и в глаза смотреть не могу.

— Вечно работа, — ворчит свекровь, качая головой. — Хорошо хоть в отпуск его вытащила, а то закопался бы в работе своей.

— Да, я то же самое постоянно повторяю, — говорю машинально. Сколько раз мы с ней его график обсуждали — не счесть. Полина Михайловна придерживается моего мнения: семья важнее денег. Хотя я уже ни в чём не уверена.

— Ма, а что вы нам привезли? — спрашивает Тома.

— Ничего. Прости, забыла купить подарки.

Обычно в последний день покупаем, а тут я умчалась, не оглядываясь, и меньше всего думала о сувенирах для детей.

— Ты серьёзно сейчас?! Я же просила парео и купальник новый! — Дочь обиженно выпячивает губу, точь-в-точь как папа.

— В интернете закажи! — срываюсь раздражённо. Тут же прикусываю себе язык, но успеваю поймать удивлённый взгляд свекрови. Вымученно улыбаюсь и молча пожимаю плечами.

— Сложно было хоть раз о детях подумать, а не о себе! — неожиданно выдаёт Тома.

— Томочка, ну, зачем ты так? — пытается смягчить разгорающийся конфликт свекровь. Но дочь уже понесло, не остановить.

— Да им вечно на нас плевать! Для них работа — главное! А нас распихали по кружкам и рады, что избавились!

У меня дар речи пропадает. Конечно, срывы у дочки в последнее время частые, и крики на пустом месте, и до слёз обидные обвинения, но такое я слышу впервые. Почему именно сейчас, когда я и так разбита, дочь добивает ногами? Девять лет с ними просидела, только четыре года назад вышла на работу, а до этого все интересы на детях замыкались. Старалась быть другом, поддерживала во всём, решила для себя жить и оказалось, что надо и дальше дома сидеть и жопы целовать?

— Ты сейчас не права, — выговариваю с трудом, чувствую, как трести начинает.

— Я у тебя вечно не права! — сорвавшись с места, Тома взлетает по лестнице на второй этаж и громко хлопает дверью в свою комнату. Я без сил опускаюсь в кресло.

— Это возраст такой, — мягко говорит Полина Михайловна и поглаживает по руке.

— Ма, не обижайся, — рядом присаживается Настя. — Ничего страшного, правда. Зачем нам ещё один магнитик на холодильник?

Интересно, через несколько лет так же вести себя начнёт? Господи, дай мне терпения, нервов и сил!

— Папа приехал! — радостно восклицает Настя, глядя в окно. Сердце падает в желудок, так там и остаётся. Подбираюсь, выдыхаю, надеваю очередную улыбку. Он входит, и самоконтроль трещит по швам, потому что больно. Болит всё: каждая клеточка, каждый нерв. Обняв дочку, Костя целует маму в щёку, а потом подходит ко мне.

— Не скучала? — спрашивает тихо.

— Твоими молитвами — нет, — продолжаю улыбаться. Когда он наклоняется и легко целует в губы, едва сдерживаюсь. На короткий миг взгляды пересекаются, вижу в его глазах настороженность. Выдержу. Раз сама эту игру завела, играть будем по моим правилам.

— Там у Тома истерика, что мы ничего из отпуска не привезли. Сходи, успокой.

Костя хмурится. Конечно, он вообще никогда не задумывался, что детям надо подарки покупать. Если бы я не контролировала этот процесс, ничего бы им никогда не привозилось. Ничего, самое время сильнее включаться в воспитание, а я с удовольствием со стороны понаблюдаю.

— Вы, что, поругались? — спрашивает свекровь, едва Костя и Настя уходят наверх. Ничего от неё не скрыть, но и вываливать вот так сходу всю правду нельзя. Поэтому просто киваю: ссоры у всех случаются, мы не исключение. Свекровь деликатно молчит, в душу сама никогда не полезет, за это особенно её уважаю.

— Давайте на кухню пойдём, — говорю наконец. — Я пирог с мясом заказала, будем чай пить.

— Может, я лучше поеду?

— Не говорите ерунды, мама, вы нам не мешаете. А от того, что уедете, мы быстрее не помиримся.

— Как знаешь. — Вижу, что расстроилась. Костя у неё единственный, как и внуки, и за нашу семью у неё всегда сердце болит.

— Всё образуется, — успокаиваю и её, и себя.

Стол накрываем в беседке, пока погода позволяет. Костя приносит самовар, все рассаживаются, и со стороны у нас почти идиллия.

— Ну, что, девчонки, готовы к школе? — Костя протягивает маме чашку, смотрит на дочек, я — на него. Не получается не смотреть. Всё пытаюсь понять, как он может быть таким искусным актёром. Если для него ничего не изменилось, значит, и для меня не изменится. Только ось сместилась с любимого мужа на себя, которую надо снова полюбить. Злость накачивается волнами, пока не начинает потряхивать. Сжимаю кулаки под столом, потому что хочется прямо сейчас заорать во весь голос. Рассказать девчонкам, какой предатель их обожаемый папочка. Свекрови, какой мудак её любимый сын. Вывалить на них всё его дерьмо, пусть их мир так же разрушится, как рухнул мой!

В ужасе от собственных эмоций. С тенью улыбки встаю из-за стола и иду в дом, дальше от них, от семьи, потому что сейчас я — бомба с замедленным действием, могу взорваться в любой момент. Через кухню, наверх, к спальням, в нашу ванную комнату, и только там перевожу дух. Впиваюсь в раковину, смотрю в своё отражение. Он меня в чудовище превращает, выжигает всё хорошее, что во мне есть. Так даже проще: ненавидеть легче, чем любить. Впервые за день улыбаюсь искренне — холодно.

Конечно, это кратковременная вспышка, и надолго этого состояния абсолютного пофигизма не хватит, но для вечера достаточно. Он пролетает, оставляя приятный осадок от растущего недоумения — Костя пытается вызвать на эмоции, постоянно вовлекает в разговор, но я с лёгкостью меняю темы, делая вид, что его не существует. Естественно, дочки уже поняли, что мы поругались, поэтому, когда свекровь уезжает, я честно им говорю, что пока папа поживёт в другой комнате. В подробности не вдаюсь, это дело взрослых.

— Ты куда? — спрашивает Костя, когда, отправив дочек по комнатам, направляюсь в спальню.

— Спать, — пожимаю плечами.

— А мне где спать прикажешь?

— Можешь в гостиной, там диван удобный. Можешь в машине, если есть желание.

— Вит, — ловит за локоть, тянет на себя, говорит тихо-тихо: — Мы так не договаривались. Как ты себе это представляешь? Я теперь навсегда в гостиной пропишусь?

— Мы с тобой никак не договаривались. Если не устраивает, дверь открыта, никто не держит. Тебе точно есть, у кого остановиться.

— Я не собираюсь в собственном доме жить на правах соседа по коммуналке! — голос по-прежнему не повышает, но раздражение не скрывает. Надо же, какие мы обиженные!

— Повторяю: не нравится — уходи. С дочками сам объяснишься. — Вырываю руку, захожу в спальню и с удовольствием закрываю дверь перед его носом.

Накрывает уже поздно ночью, причём, резко, без предупреждения. Начинаю задыхаться, слёзы ручьём, от всхлипов печёт горло. Кусаю подушку, сжимаюсь в комок. Он здесь, рядом, не мой и не чужой, это больно. Но своей боли я ни за что ему не покажу, обойдётся.

Глава 7

Ли́ка

Пятый день схожу с ума от нервов, аппетит пропал, похудела на два килограмма, точно. Костя до сих пор не позвонил, а первой писать боюсь. Жена узнала, и что теперь? Мне даже из дома выходить страшно: вдруг стоит, ждёт, скандалить начнёт? Меня в доме с детства знают, фактически выросла тут, у бабулечек, сидящих на лавочке, на глазах. Будет невероятно стыдно, если они узнают, что я — любовница женатого мужчины. Конечно, они Костю видели, знают, что «мой». Несколько раз уже деликатно спрашивали, когда свадьба и детки. Тут только горько улыбнуться и развести руками.

Костя молчит, а меня трясёт каждый раз, как на телефон взгляну. Откуда мне знать, какие сейчас у него с женой отношения? Наверное, простила, а он пообещал меня бросить. Или поставила условие, что мы должны расстаться. Насколько ему важна жена, семья? Я в этой пищевой цепочке с самого начала промежуточным звеном была, можно выбросить без сожаления. И это даже будет правильно, всем станет проще, я же думала о расставании. Только саму себя не обмануть: уйдёт — не забуду. Не смогу из сердца вырвать, слишком сильно влюбилась. Как говорила бабушка: как кошка.

На работе уже заметили, что со мной что-то не так. Девчонки начали интересоваться, когда познакомлю с ухажёром. Их вопросы ещё хуже делают, сил отшучиваться нет.

— Нет у меня никого, — отвечаю устало. — Просто заболела, наверное, температура поднимается.

Меня и правда лихорадит. Все мысли только о Косте, на работе никак не могу сосредоточиться, ошибаюсь. В конце концов, девочки не выдерживают — отправляют домой.

— Возьми больничный, отлежись, — озабоченно говорит Марина, прикладывая ладонь к полыхающему лбу. — Не надо нам тут бациллами разбрасываться. Чтобы не появлялась, пока не вылечишься.

— Да кто мне больничный даст? Я в поликлинике больше бацилл подцеплю.

Мне сейчас нельзя домой, я же там одна с ума сойду, сожру себя мыслями, сомнениями. Но Марина непреклонна: иди домой. Она выше по должности, полномочий хватает.

— Иди и не трынди. Уж три дня можно без оформления отлежаться, главное, план к концу месяца закрой.

Ухожу с тяжёлым сердцем. Надо же было так вляпаться! Думала, что любовная лихорадка только в фильмах бывает, но у меня все симптомы на лицо. Час, может, два бесцельно брожу по улицам, смотрю на парочки в парках, кафе, и слёзы сами из глаз бегут.

— Девушка, всё будет хорошо.

Рядом со скамейкой, на которой сижу, останавливается парень. Я даже не поняла, что просто сижу и плачу.

— Наверное, будет, — вяло улыбаюсь, открывая сумочку, чтобы найти платок, но он внезапно протягивает свой.

— Держите. Будет повод ещё раз встретиться, чтобы отдать. Назар.

— Что? — моргаю. Мозг совсем поплыл.

— Меня зовут Назар, а вас?

— Ли́ка, — отвечаю заторможено. Со мной так давно никто на улице не знакомился, что успела забыть, каково это.

— Хочешь кофе?

Мне бы сейчас чего-нибудь покрепче, но я уже натворила дел с вином, поэтому соглашусь. Почему нет? Да и замёрзнуть успела.

— Парень или деньги? — спрашивает Назар. По моему лицу понимает — не дошло, о чём спрашивает. — Женщины плачут по двум причинам: обидел мужчина или нет денег. Так в чём причина твоих слёз?

— Собственная глупость, — пожимаю плечами. — Влюбилась не в того.

— Бывает. — Назар вдруг улыбается, от этой улыбки становится теплее. — Сердцу же не прикажешь. Но если он не тот, может, присмотреться к другим? Парней так много холостых

А я люблю женатого.

— Например, к тебе? — лёгкий флирт постепенно разгоняет тяжесть на душе. Парень симпатичный, на вид — мой ровесник. Чёрные волосы, смеющиеся карие глаза, одет просто, но со вкусом.

— Можно и ко мне. Смотри, какой красавец зря пропадает! — Он демонстративно выпрямляется, задирает подбородок.

— Что ж такой красавец до сих пор один гуляет?

— Работа, — вздыхает. — Постоянно дома за компом, времени нет. Сегодня вышел пройтись, а тут ты, такая печальная и красивая. Решил — судьба.

— Судьба, — повторяю эхом. Когда в Костю въехала, тоже думала — судьба. Стоило подумать о нём, и настроение падает. Улыбка сползает, снова подступают слёзы.

— Кем ты работаешь? — снова удивляет Назар, забавно склоняя голову набок, как птица.

— Зачем тебе это? — смена темы помогает отвлечься, с ним и правда легко.

— Просто у меня больше нет платка, а ты собралась опять заплакать. У меня три сестры, я этот покрасневший кончик носа за секунду считываю.

— Прости, день сегодня какой-то особенно тяжёлый.

— Эй! Ты же меня встретила! Какая тяжесть, тут летать надо! Смотри, вон кафе со свободными столиками, идём скорее, пока не заняли.

Он берёт за руку и тянет за собой, а я просто послушно иду, ошалев от такого напора. У него тёплая ладонь, а ещё — приятная туалетная вода. Не буду сейчас думать о Косте! Раз он решил разорвать наши отношения своим молчанием, не стану унижаться. Я молодая, красивая, вон, даже на улице знакомятся, так чего убиваться?

Время пролетает незаметно. За двумя чашками вкусного латте и кусочком торта узнаю, что Назар приехал в Москву пять лет назад, ему двадцать семь, работает программистом в крупной компании, снимает квартиру в этом районе. Друзей особо нет, семья осталась в Твери, куда катается по выходным. Три сестры, две старшие замужем, а младшая, ей двадцать, недавно поступила. О себе почти не говорю, а он не спрашивает, деликатно обходя тему моей личной жизни. Реальность догоняет, когда на телефон приходит сообщение:

Я заеду вечером

Ни «привет», ни «как дела», но три слова заставляют сердце сжаться. Смотрю на экран, не могу оторваться. Словно в голове прозвучал его бархатистый голос.

— Это он? — спрашивает Назар. — Тот, из-за кого плакала? Простишь?

— Не знаю, — едва шевелю губами. Незнание пугает. Приедет, чтобы сказать, что расстаёмся, или с вещами, потому что от жены ушёл?

— Понимаю, — вздыхает. — Хотя нет, знаешь, не понимаю! Почему вы вечно выбираете мужчин, которые не умеют ценить? Что это за мазохизм?

— Знаешь, — отвечаю прохладно, убирая телефон в сумочку, — это не твоё дело.

— Не моё, — тут же соглашается он. — Прости, просто обидно смотреть, как такая девушка убивается из-за очередного гандона.

— А ты не такой, да? Никому сердце не разбивал, всегда поступаешь правильно? — неожиданно неприятно выслушивать нотации от незнакомого человека. Кто он такой, чтобы указывать мне, как и с кем жить, кого любить? — А я вот неправильная, прикинь! Влюбилась в женатого, теперь мучаюсь!

Выходит слишком громко, несколько человек даже оборачиваются на нас. Да плевать я хотела на чужое мнение!

— Обещает из семьи уйти? — Назар горько усмехается. — А ты веришь.

— Ничего он не обещает! — огрызаюсь. Слышать гадости про Костю особенно неприятно. Он не такой, он самый лучший!

— Понятно, — он снова вздыхает. Продолжает тихо, вкрадчиво: — А ты не задумывалась, что будет дальше? Через год, пять, десять? Он попользуется тобою и бросит за ненадобностью.

— Я не заказывала психологическую помощь. Принесите, пожалуйста, счёт, — говорю проходящему мимо официанту.

— Конечно, я тебе никто, но ты слышала про эффект попутчика? С незнакомыми людьми проще открываться. Настаивать не буду, но если захочешь поговорить, звони.

На стол ложится скромная визитка, даже не знала, что они у него есть. Зачем? Но машинально беру, бросаю в сумочку. В принципе, он не виноват, ни в моём выборе, ни в том, что сейчас переживаю. Не хочется обижать, человек хороший.

— Извини, сорвалась, — отвечаю угрюмо. Признавать свои ошибки всегда тяжело.

— Проехали. — Назар легко усмехается. — И не парься, счёт я оплачу. Уж деньги на то, чтобы угостить девушку чашечкой кофе, у меня есть.

Теперь совсем стыдно. Унизила своим демонстративным желанием заплатить за себя, а ведь с Костей такого не было. Даже мысль не возникла, когда только начали общаться, что в кафе надо платить пополам.

— Мне пора, — пытаюсь улыбнуться. — Приятно было познакомиться. Правда, очень приятно.

— Надеюсь, мы ещё увидимся, — говорит Назар, а глаза вдруг становятся грустными.

— Если это судьба, точно увидимся!

Меня уже здесь нет. Мысленно вся дома: принять ванну, привести себя в порядок, что-нибудь приготовить, но что? Прощаюсь скомкано, почти бегу к станции метро, перебирая в голове рецепты. К вечеру на лице ни следа слёз, а в голове — ни одной мысли, кроме той, что совсем скоро его увижу. Квартира вычищена до блеска, на плите паэлья с морепродуктами, на столе — салат, в холодильнике вино. Его машину я по звуку узнаю, подбегаю к окну, ладони ложатся на грудь — сердце выпрыгивает. Костя выходит, ставит машину на сигнализацию и, не глядя по сторонам, идёт к подъезду. Пиджак расстёгнут, галстука нет, значит, не напрямую из офиса. Но и чемодана тоже нет, значит?.. Прислоняюсь лбом к окну и жду звонка домофона, как приговора.

Лифт поднимается, я привычно жду в дверях, но не жду ничего хорошего. Он приехал, чтобы меня бросить. Лучше бы по телефону сказал, чем так мучить. Поднимаю глаза, когда лифт открывается, молча смотрю, как Костя приближается, так же молча сдвигаюсь в сторону, пропуская. Закрываю дверь и просто смотрю, жадно, чтобы запомнить. Он тоже молчит, только глаза скользят по лицу. Нет, это невыносимо! Обнимаю так крепко, как только могу, и молю про себя: обними меня в ответ! Обними-обними, хотя бы шевельнись, шагни навстречу. Прямо сейчас умру, если не сдвинется с места. Но вот он оживает: обнимает, поглаживает по спине и тихо говорит:

— Прости.

Глава 8

Костя

Ещё никогда Вита не была настолько отстранённой. Её привычка к молчаливому игнору всегда бесила, сейчас выводит из себя. Меня как будто выбросили за ненадобностью, потому что с дочками она открытая, весёлая, а на меня смотрит и холодом окатывает. Три дня в таком режиме живём, я уже не могу, предохранители горят! Быть чужим в собственном доме, где всегда встречали теплом и улыбкой, внезапно оказалось невыносимо. Вита, как изощрённый палач, вытащила жилы и тянет, наматывая на кулак. Девочки делают вид, что их это не касается, при них нам не поговорить, но, как только они уходят спать, Вита закрывается в спальне. Что делать? Звонить из соседней комнаты? Пытался, трубку не берёт, на сообщения не отвечает. Наше общение свелось к нескольким дежурным фразам в течение дня.

И как тут о Лике не думать? Самым простым было бы собрать вещи и уйти к ней. Не хочу. Надо с ней рвать, иначе Виту не верну.

— Ты что-то сам на себя не похож, — замечает Андрей. Мы только что из офиса вышли, весь день прошёл в мыслях о том, что Лике скажу, и как. Андрею пока ничего не говорил, и сейчас просто пожимаю плечами.

— Ладно, хочешь молчать — молчи, главное, чтобы на работе твои проблемы не отразились.

— Не отразятся, — отрезаю. Сам заварил, сам буду расхлёбывать. Но, когда вижу глаза Лики, внутри что-то щёлкает. Привык считать просто увлечением, думал, бросить будет просто. Но, когда обнимаю, могу выдавить только:

— Прости.

Даже себе не могу объяснить, за что прошу прощения. Чувствую, как её трясёт, обнимаю сильнее.

— Мне было хорошо с тобой, — начинаю под тихие всхлипывания. Только не надо рыдать, от женских слёз всегда себя подонком чувствую!

— Не бросай! — говорит через силу. Сжимает пиджак на спине, всем телом прижимается. Невозможно отпустить, как бы ни хотел. Самое страшное, что не хочу. Хрупкая, нежная девочка, когда я успел так привязаться? Можно любить сразу двоих? И обеим причинить боль. Горло сжимается, дышится с трудом, в горле разросся ком.

— Я не хочу тебя бросать, — голос гнётся. — Но и семью терять не хочу.

— Я понимаю, — Лика поднимает глаза. — Я же не прошу уходить от жены, просто не бросай меня.

— Нет, малыш, — стираю её слёзы кончиками пальцев. — На этом у нас всё.

Надо заканчивать. Знал, что будет непросто, но вышло даже тяжелее, чем представлял. Там Вита, дочки, годы брака, а тут Не просто секс — эмоции, которых дома давно не хватало. Возвращаться к пустому взгляду смертельно обиженной женщины, пытаться всё вернуть? А зачем? Как сильно мне это нужно? И Вите точно так необходимо цепляться за брак? За всё это время ни разу не задумался о разводе, именно разводе. Какой Вита видит нашу семью дальше? Утром был уверен, что надо сохранять, но сейчас сомневаюсь.

— Мне надо поговорить с женой.

Всё к херам уже развалилось, а мы с ней пытаемся сохранить видимость, ради чего? Жизнь одна, её сейчас надо жить, а не когда-то в будущем.

— О чём? — Лика уже не плачет, слёзы резко пересохли, только глаза блестят. Машинально перебираю волнистые светлые волосы, пропускаю сквозь пальцы.

— Обо всём, — вздыхаю. Сколько можно друг от друга бегать? Взрослые люди, пора что-то решать. Отпускаю Лиду, смотрю в последний раз. Или не в последний, смотря, о чём с

Витой договоримся. В любом случае делить себя на два уже не могу. И тут, и там было легко и приятно, пока жена не знала. — Я тебе напишу.

— Что, по смс-ке бросишь? — усмехается Лика. Блядь, и так тяжело, а она ещё добавляет!

— Я напишу, — повторяю с нажимом и ухожу.

Что это было вообще? Приехал бросить, в итоге только всё запутал сильнее. Одно знаю точно: если надо будет, дверь в спальню снесу, но с Витой поговорю. Хватит, набегались, наигрались в холодную войну.

Холодный взгляд, с которым привычно уже встречает Вита, поднимает волну раздражения, хотя нервы и так до предела взвинчены. Дочки по комнатам сидят, она в гостиной, но сразу же демонстративно уходит на кухню.

— Нам надо поговорить, — иду за ней. Вита останавливается у раковины, спиной ко мне. Вижу, как напряжена спина. Измучилась сама, и меня мучает.

— Разве мы уже не поговорили? — отвечает сухо.

— Нет. Зачем тебе наш брак, Вит? Уверена, что хочешь так жить? — подхожу ближе, кладу руки на плечи, она отчётливо вздрагивает. Лика стала близкой, но здесь совсем другой уровень, я её, как себя, чувствую.

— Я не знаю, как дальше жить, — признаётся устало. — Как перестать думать, что ты с ней Или с другой? Что тебе давно стала не нужна.

Молчу. Что тут можно сказать? Бросить Виту — всё равно что кусок мяса от себя оторвать на живую. Но кто-то из нас должен сделать этот шаг.

— Давай поживём раздельно.

Всё, сказал. Не развод пока — попытка оттянуть неизбежное, или, наоборот, понять, что друг без друга никак.

— К ней уйти — это у тебя «пожить раздельно»? — резко поворачивается. — Совсем за дуру меня принимаешь?

— Не к ней, Вит, а без тебя! Мне тоже подумать надо! И тоже сложно!

— Надо же, какие мы нежные! Раньше думать надо было!

— Чего ты от меня хочешь? Чтобы в ноги упал и прощения просил?! Прости! Прости меня! Только ничего это не изменит!

Мы перешли на повышенные и сами не заметили. Оба дышим тяжело, смотрим одинаково — зло.

— Послушай, — пытаюсь взять себя в руки. Хоть одна голова из двух должна оставаться трезвой. — Я не знаю, что у нас там, впереди, будет. Ты остынешь и простишь, я пойму, что без тебя никак, или наоборот. Я не Ванга, чтобы предсказывать будущее. Но и так, как мы живём сейчас, больше продолжаться не может. Это тупик, мы застряли, Вит.

— Только у тебя из этого тупика есть как минимум две развилки.

— Да почему ты всё к ней сводишь? Не думаешь, что сейчас речь о тебе, о нас, не о ней!

— Ты её бросил? Только честно скажи.

Вроде бросил, а вроде как на паузу всё поставил. На этот раз честность сыграет против меня.

— Да. Мне надо побыть одному, тебе — тоже. Давай всё решать цивилизованно, с холодной головой, а не на эмоциях, как сейчас.

— Хорошо. Только Уйду я, а ты оставайся.

Вот этого поворота я никак не ожидал. Челюсть упала. Как она себе это представляет?!

— Оставайся, объясняйся с дочками, с мамой. А я сниму квартиру, для начала на месяц. Всё-таки, как ты недавно сказал, это твой дом.

— Но — у меня даже слова кончились. — Скоро школа, кто девчонок будет возить?

— Ты, конечно. Для готовки домработницу наймёшь, нянька им уже не нужна. Или думал, уйдёшь на вольные хлеба, а весь быт и дети на мне? Ты так себе моё «одиночество» представлял? Нет, Кость, или принимай мои условия, или уходи насовсем. Прямо сейчас.

М-да, не на такой исход рассчитывал. И что теперь? Сам себя загнал в ловушку. А самое страшное, что она рассуждает логично, не к чему придраться. Настроена решительно, только надолго хватит? Одной, без детей, в чужой квартире? Первая вернётся.

— Хорошо. Я согласен. Месяца нам должно хватить, чтобы понять, куда двигаться дальше.

— Отлично. — Вита протягивает руку, я её пожимаю. — Договорились. Я скажу девочкам, что пока они будут жить с тобой.

— Как ты им это объяснишь?

— Скажу, что кризис в семье случается, и мне надо побыть одной. А там уже твоя работа, найди нужные слова.

Наутро Вита выходит из спальни с чемоданом. Что, так быстро?! Уже нашла квартиру?! Думал, это хотя бы несколько дней займёт, мне же тоже привыкнуть надо!

— Я не в другую страну улетаю, и даже не в другой город, — улыбается Насте, которая прижимается к ней. — Устроюсь и привезу вас к себе на пару днейков.

— Почему мы не можем поехать с тобой?

— Маме надо побыть одной, понимаешь?

— После отдыха снова на отдых? — иронично спрашивает Тома. — Так от нас устала, что сбегашь?

— Я устала не от вас, — короткий взгляд в мою сторону.

— Тогда пусть он и уходит! Сам накосячил — сам ушёл! — старшая точно отлично слышала, как мы ругались.

— Нет, это так не работает, — строго отвечает Вита. Она привыкла к тому, что дочка из милой девочки в дикобраза превратилась, а я до сих пор привыкаю.

— Ты же сама говорила вчера, что хочешь сохранить нашу семью, и сама сбегашь!

— Нам с папой надо пожить отдельно, мы уже всё решили. Вы сейчас всё равно в учёбу окунётесь, даже не заметите, что меня нет.

— Эй, вам, что, так неприятно с папой быть? — спрашиваю, замечая, что Вита начинает тонуть. Детей, конечно, можно понять, и мой уход они пережили бы проще, но как-то обидно, что они так сильно не хотят оставаться со мной.

— Конечно, приятно! — восклицает Настя. Тома угрюмо молчит.

— Вот и развлекайтесь, — подытоживает Вита. — Я постоянно на связи, рядом.

За завтраком девчонки успокаиваются, даже представляют, как приедут к маме. Я же никак не могу прийти в себя, какой-то мандраж бьёт, похожее состояние было, когда Тому только из роддома забрали. Как с ними быть? На работу через час уезжать, они дома одни останутся.

— Оставь хоть инструкцию по применению, — пытаюсь шутить, когда она со стола убирает.

— Ты же папа, не посторонний человек. Уверена, сам разберёшься.

Посуду так и оставляет в раковине, забирает чемодан, ключи от машины и уезжает. Спокойно уезжает, бросив меня с детьми.

Глава 9

Виолетта

Я решила уйти спонтанно, на эмоциях, но это оказалось самым лучшим вариантом выхода из ада, в который себя загнала. Квартиру ещё надо поискать, пока сняла номер в гостинице, потому что оставаться дальше под одной крышей с Костей было бы невыносимо. Унижать себя расспросами где он был, с кем, верить лжи и постоянно сомневаться, ждать, когда вернётся и смотреть на часы. В таком режиме недолго в окно выйти, и плевать, что у нас дом всего в два этажа. Возможно, это кризис, который мы сможем пережить. Легко сказать «уйди, разведись, прогони», но сделать невероятно сложно. Я не оправдываю Костю, но в измене всегда виноваты оба. Не заметила, как он стал отдаляться, потому что сама отдалилась, поглощённая работой и детьми. Над этим тоже стоит подумать, проанализировать. Может, если оба решим, что есть смысл сохранить семью, пойдём к семейному психологу?..

Обрываю поток мыслей — подъехала к гостинице. Это всё ещё защитная реакция, которая позволяет закрывать глаза на реальность, в которой Костя — не мягкий и пушистый котик, а предатель и изменщик. Для него было нормально отдавать своё время, внимание, возможно, любовь другой, а потом возвращаться, как ни в чём не бывало, и ложиться со мной в одну постель. Заниматься со мной сексом после неё. Брезгливо.

Номер хороший: не большой и не маленький, обставлен прилично, но надолго здесь задерживаться не хочется, слишком накладно. Конечно, выбрасывать пятьдесят-шестьдесят тысяч за аренду тоже затратно и жаба слегка придушивает, но раз уж решила, надо идти до конца. Самые необходимые вещи разложены в шкафу, остальное оставляю в чемодане и на работу, и так почти опаздываю. Личные драмы на то и личные, что их надо оставлять за порогом, поэтому в офис вхожу с улыбкой.

Работу свою люблю, коллектив у нас замечательный, начальница — золото, а погружение в цифры всегда отвлекает от лишних мыслей.

— Веточка, как всегда потрясающе выглядишь!

Юрист Юра ждал у двери в бухгалтерский отдел, протягивает кофе. Это наша традиция — по очереди друг друга угощать, хотя иногда, в приступе особенной щедрости Юра покупает кофе всему отделу, а нас там пять человек. Ему слегка за пятьдесят, два раза разведён, почти всегда в поиске. Я как-то никогда не задумывалась, почему он разводился, а сейчас любопытство берёт своё.

— Юр, — не спешу заходить в отдел, так и стоим в коридоре, — а ты почему развёлся, чего тебе в браке не хватало?

— Вот это у тебя вопросы с утра пораньше, — хмыкает он. — Так сходу и не скажешь, но если хочешь послушать, приглашаю пообедать вместе, в том ресторанчике, где очень вкусные бизнес-ланчи.

— Хорошо, — соглашаюсь с лёгкостью. Мне правда интересно услышать мужскую точку зрения, а главное — кто был инициатором.

— Доброе утро, девочки! — пересекаю наш отдел, где уже трудятся мои пчёлки, вхожу в свой кабинет и первым делом, по привычке, опускаю взгляд на фотографию. Костя и дочки, фото этого года, всего два месяца назад поменяла. Уберу — сразу все заметят, начнутся вопросы. Пусть стоит, главное, чтобы не отвлекала.

До обеда время пролетает быстро: работы, как всегда, много, косяки моих пчёлок тоже приходится иногда исправлять. Не хочу никого ругать, но провести воспитательную беседу, конечно, придётся, чтобы внимательнее были. Невольно кошусь на дочек. Как они там, без меня? Конечно, как обычно, я же на работу постоянно ухожу, ничего сверхъестественного. А что будет вечером? Завтра, послезавтра, через неделю, когда начнётся школа? Чувство вины

начинает глотать. Не выгляжу ли я теперь предательницей в их глазах? Хотя обе сказали, что всё понимают, но утренняя сцена всплывает против воли, и сердце кровью обливается. Но если я пойду на поводу у своих чувств и заберу их, то какой смысл был съезжать?! Нет, надо быть последовательной. Собрать жопку в кулак, силу воли — туда же, и идти до конца.

Первым шагом к пониманию причин измены должен стать обед с Юрой. Мы устраиваемся за столом, делаем заказ, первое блюдо подают почти сразу — днём здесь обедает половина офисного центра. Под лёгкий гул голосов Юра охотно рассказывает свои истории. Не просто охотно, даже с каким-то удовольствием, а мне отчего-то не до смеха.

— С Катюхой, которая первая, развелись, потому что пилила постоянно. Я — молодой юрист, она — домохозяйка, с детьми сидит, считай, отдыхает. Прихожу домой, а она начинает: помоги, посиди с детьми, ничего не делаешь, я устала А я не устал? Вот, скажи, ты же сама двоих детей родила. Много женщины с ними в декрете устают, пока мужики пашут, как не в себя, чтобы эту ораву прокормить?

Ой, зря я вообще попросила эту тему поднять. Как бы так ответить, чтобы не разругаться?..

— Ну, если ты собственных детей называешь оравой, мне даже ответить нечего, — иронично улыбаюсь. — И ты ушёл, потому что устал?

— Да нет, это она на развод подала. Я даже не понял, когда успела, говорила же, что времени ни на что нет. А тут, гляди-ка, нашла! — Он возмущённо цокает, а я умиляюсь: он ведь на самом деле не понимает причину, почему упавшая, как лошадь, жена, решила выпнуть горе-добытчика.

— И как она сейчас? — спрашиваю, чтобы на второй брак перевести.

— Как? Замуж вышла, родила ещё одного, вроде в Питере живёт.

— Вроде? Ты, что, детей не видишь?

— Алименты уже платить не надо, оба лба — взрослые. У них своя жизнь, особо не достают.

Кажется, сильнее разочароваться в человеке уже невозможно. Хорошо, что приносят второе, и необходимость что-то говорить на время отпадает.

— А вторая, — начинает Юра с набитым ртом, — вообще фееричная оказалась. Деловая, на самообеспечении, с ребёнком от первого брака На работе оказалась зациклена, на себе и дочке. Привыкла, пока одна жила. Готовить — почти не готовила, убирать — только когда я рвякну, вечно в делах да в салонах красоты. Хозяйка никакая оказалась!

— А ты сам убирать или готовить не пробовал? — Ох, провокационный вопрос, но я в глазах Юры не враг, а союзник, потому что не осуждаю, поэтому он на полном серьёзе отвечает:

— Почему я должен убирать, ещё и в чужой квартире? Я пришёл с работы и хочу тишины и вкусный ужин, а не тряпкой махать. В общем, я шесть лет терпел, а потом она на развод подала. Нашла себе другого дурака её заскоки терпеть.

— Зато сейчас красота, да? — киваю официанту, когда он приносит чайник и ставит чашку. — Тишина, покой, никто не пилит, не мешает.

— Да знаешь, — он вдруг уныло вздыхает, — оказывается, эта тишина не так уж и хороша. Хочется иногда с кем-нибудь поговорить. Нет, не каждый вечер. Сама знаешь: иногда на работе так упашешься, что можешь только до постели доползти и рухнуть. Но вот иногда тоска какая-то накатывает. Поэтому, — улыбается, — я до сих пор в поисках той самой.

Да, на рынке он ещё вполне себе котируется: за собой следит, лёгкая седина в каштановых волосах придаёт шарма, и язык у него подвешен, не даром юрист. Но отношение к женщинам Лучше промолчу.

— А ты чего вдруг вообще эту тему поднять решила?

— Да так, — отмахиваюсь. — Обсуждали на выходных с подругами, почему браки распадаются.

— Все беды от слишком умных женщин, — внезапно выдаёт Юра, помешивая сахар в своём кофе.

— А ты своим жёнам не изменял?

— Было дело. Но это так, сбегал налево и обратно к своей благоверной.

— Зачем же к ней возвращаться, если там хорошо?

— Жена, Веточка, это родня, как к ней не возвращаться?

— Понятно.

На душе от этого разговора гадко. Костя так же думает? Как там он говорил: друг, родной человек. Ага, собака тоже друг человека. Выходит, я — надоевшая жена, от которой уходить не хочется, а там — искря, буря, безумие? Этому ему не хватило? Но почему тогда меня на новизну ни разу не потянуло? Почему верность хранить не сложно одному, а для второго она — пустой звук? Вопросы, которые можно задавать бесконечно.

Вечером нахожу более-менее приемлемый вариант с квартирой, договариваюсь с риелтором завтра в обед посмотреть — от офиса близко, гораздо ближе гостиницы. Сажу в номере, в тишине, о которой говорил Юра, и скучаю по детям. Мы с ними уже по видео созвонились, и как же горько видеть их, смеющихся, дома. Костя там же, иногда показывался, но ничего не говорил. А потом телефон потух, и стало тихо. Чувство, что сама себя наказала. Одиночество душит. Выхожу на балкон, смотрю на город. Что дальше делать?

Проходит ещё три дня, я переехала. Как раз раскладываю вещи, когда звонит свекровь. Вздыхаю, набираю полную грудь воздуха, отвечаю с улыбкой:

— Здравствуйте, Полина Михайловна.

— Виточка, прости, не отвлекаю?

— Что-то случилось?

— Нет — она мнётся, значит, уже знает. — Прости, это, конечно, не моё дело, но это правда? Ты от Кости и девочек ушла? Я я понимаю, в семье всё может быть, но сегодня Костя попросил вечером с девочками посидеть, я приехала, а тебя нет. Внучки сказали, что ты поругалась с папой и ушла.

— Да, так и есть. — Ничего себе, как она всё вывернула! Я ушла от драгоценного мужа и детей?!

— Неправильно это, Виточка. Ты же хранительница очага, жена, мать. Не надо этих новомодных взбрыков, возвращайся в семью. Ты нужна детям.

— Я их и не бросала. — Не верю, что это говорит Полина Михайловна, которую привыкла считать непредвзятой. — Если бы Костя ушёл, вы бы так же говорили?

— Конечно, — без раздумий отвечает. — Нечего по чужим углам шараться. Ругаться — ругайтесь, а спать надо в одну кровать ложиться.

— Причины для ссоры могут быть разными. Вы спросите у Кости, хорошо? Без причины я бы из дома не ушла.

— Да я знаю, Виточка, поэтому и решила спросить. И у Кости спрошу обязательно. Ты не злись на меня, просто душа болит, когда вы ссоритесь.

Как будто у меня не болит! Все вокруг о себе думают, кто бы подумал обо мне? Хотя бы раз Костя спросил: как ты? Просто по-человечески поинтересовался, потому что искренне переживает. Нет, он маму вызвал, а сам на блядки помчался. А куда ещё можно на ночь глядя уехать? Сколько раз говорил, что по работе надо срочно в офис, и сколько раз он до него вообще доезжал? Представить его с другой женщиной оказалось совсем не сложно. Неужели до завтра не мог потерпеть? Я же завтра девчонок к себе заберу, выходные впереди, делай что хочешь. Может, и правда по работе что-то? Почему я такая дура наивная, до сих пор верю в чудеса?

Не привыкла жить одна, не умею жить одна, свободное время, появившееся внезапно, поначалу причиняет дискомфорт. С девчонками выходные пролетают до обидного быстро. Мы бродим по магазинам, добывая необходимое к школе, допоздна смотрим фильмы, обедаюсь

пищей, и, лишь когда я отвожу их домой, понимаю опцию: воскресный папа. Каждая встреча — маленький праздник, а рутина там, за дверьми.

— Было классно! — говорит Тома, вытаскивая пакеты из багажника.

— Да, почаще бы так! — подхватывает Настя.

— Если так будет каждый день, надоест быстро. — Я вручаю младшей последние пакеты, мягко подталкиваю по дорожке к крыльцу. Соскучилась по дому. По своим вещам, по уюту. Но с удивлением понимаю, что впереди неделя для самой себя, и это приятно! Надо найти какое-нибудь хобби, чтобы после работы было чем заняться. Как представляю, что пока освобождена от уроков и походов в школу, даже петь хочется.

— Что, разбойницы вернулись? — Костя распахивает дверь, пропускает дочек, смотрит на меня. — Даже не зайдёшь?

— Нет. У меня дела.

— Какие?

— Почему тебя это волнует? Или у меня не может быть дел?

Он так растерялся, что даже ответить нечего. Да, милый, у меня дела: вечер с сериалом с бокалом белого полусладкого и сырной тарелкой. И пусть весь мир подождёт.

Глава 10

Костя

Думал, шутит. Ждал, что вернётся, но что-то время идёт, а ничего не меняется. Томка как с цепи сорвалась, огрызается постоянно, смотрит волком. Как с ней себя вести — понятия не имею. С Настей попроще, конечно, но она болтает без остановки. Думал, будет проще: обе в гаджетах, да и не маленькие уже, чтобы постоянный присмотр нужен был. Но, когда домой приезжаю, никакой тишины и покоя, только решение непонятно откуда взявшихся бытовых проблем. Ещё и родительские чаты, в который меня зачем-то Вита добавила, постоянно отвлекают. Мамашки активировались, к первому сентября вовсю готовятся. У Томки восьмой класс, у Насти — четвёртый, а проблемы в обоих чатах одинаковые. Голова пухнет. Не думал, что это всё столько энергии отнимает.

Вернулся в нашу спальню, но без Виты тут непривычно. Постоянно жду, что зайдёт. Адрес квартиры, куда она переехала, знаю — Настя показала сообщение и фотографии. Неплохо устроилась. Надолго её хватит в самостоятельность играть? Вдруг не захочет через месяц возвращаться? Даже представлять это не хочу. Детям как минимум мать нужна на постоянной, а не приходящая. А мне Мне без неё странно. Пусто как-то. Поговорить не с кем, даже фильмы в одиночку не идут, постоянно думаю, как бы с Витой обсуждал, что бы она сказала. Если она насовсем исчезнет, чем эту пустоту заполнять? Ликой?

Я ей звонил, рассказал, что у нас с женой происходит, она ответила, что будет ждать. Чего только ждать? Сюда я её не приведу, с дочками знакомить не собираюсь. Но если мы с Витой решим разводиться, если она останется на квартире, а я — с детьми здесь. На сколько хватит терпения у Лики? Просил у Виты время, чтобы подумать, но решения до сих пор нет. Статус: всё сложно.

Ещё и по работе постоянно дёргают, грузины всё-таки встали в стойку, с Андрюхой и аналитиками полночи сидели, искали пути объезда и просчитывали стоимость доставки. Сука, она в два раза выросла, чем если через Грузию груз гнать. Маму пришлось выдернуть, чтобы на ночь дома осталась. К пятнице голова распухла, но проблему решили. Ничего, эти ублюдки потом сами приползут, когда поймут, сколько денег мимо проходит.

Вита забирает девчонок без меня, возвращаюсь из офиса в пустой дом. Тихо. Так бывало, когда с детьми к теще уезжала. Чем себя занять? Включаю фильм, но не могу уловить сюжет, мысли крутятся вокруг девчонок. Что они сейчас делают? Втроём им точно весело, не то, что мне. Семья никак поровну не делится, выходит две неравные части.

Ночью никак не могу найти удобную позу. Обнимаю подушку — Витой пахнет. Зарываюсь в неё лицом, дышу глубоко. Так привычно было обнимать её со спины, утыкаться носом в волосы, слышать сонное пожелание спокойной ночи. Веду рукой по подушке, как будто могу ощутить изгибы тела. Грудь всегда уютно ложилась в ладонь, так и засыпали.

Когда между нами всё погасло? Мы же давно соседями стали, только оба это отрицали. Ненормально, что перестаёшь хотеть человека, которого раньше до дыма из ушей хотел. Мы столько всего пережили, так хорошо друг друга изучили, что Загадка пропала. Новизна, предвкушение, трепет — всё ушло. Вита перестала надевать красивое бельё, я — покупать цветы без повода. Раз в году отпуск вдвоём, а потом каждый сам по себе. Секс по привычке, почти всегда по моей инициативе. Она вообще приставать перестала, хотя никогда не отказывалась. В какой-то момент я перестал ощущать себя мужчиной рядом с ней. Как там она сказала? Функция? Так Вита первая начала, когда из любимого мужа я превратился в удобного соседа.

Женским вниманием не был обделён ещё со школы, да и после свадьбы было полно предложений. Отказывался, потому что жена была одна, на всю жизнь, любимая, желанная. Но в какой-то момент я остановился и понял — ничего нового не будет. Два года назад это было:

вдруг с ужасом осознал — в тридцать четыре жизнь кончилась. Та, яркая, когда домой бежать хотелось, когда у неё глаза горели, а у меня в штанах было тесно. Когда просыпались с улыбкой, а не со списком дел на день. Дочки — принцессы, жена — царица, фасад идеальной семьи, внутри которой я стал ощущать себя лишним. Даже сейчас втроём им отлично, моего отсутствия и не заметил никто. Ни одна из дочек не позвонила, не написала, хотя маме всю неделю наяривали.

Когда Лика появилась, жизнь заиграла забытыми красками. И тут не только в сексе дело — с ней я снова почувствовал себя нужным. По-хорошему надо было сразу уходить, но после первого же раза с Ликой вернулся к жене и вдруг почувствовал себя дома. Вот же оно — родное, привычное, уютное. Не надо самоутверждаться, можно просто быть собой. Обнять, зная, что это просто обнимашки, спать рядом, просто спать. Так и понеслось: там тело, тут — душа.

Наверное, так и обманывал бы себя, если бы Вита не узнала. Считал Ликой кем-то проходным, неважным. Как сделать выбор, если обе дороги?..

В субботу убиваюсь в тренажерке, потом бассейн и на работу. А что в пустом доме делать? Тянет к Лике, но для себя решил: пока точно не определюсь, не приду. Ей мои метания тоже ни к чему. Вечер снова в одиночестве, но уже попроще. А в воскресенье возвращаются дочери, и Вита смотрит сквозь меня, поднимая чувство вины. Дистанцию между нами видно невооружённым глазом, она ощущается холодной стеной, которой Вита себя огородила. Ломать её, стучаться бесполезно. Не сейчас. А когда?

Девчонки хвастаются покупками, вспоминаю — во вторник начинается школа и кружки. Станет проще, займутся делом. Мама звонит вечером, осторожно спрашивает, почему мы с Витой разбежались.

— На Виточку это совсем не похоже. Почему она ушла из дома и бросила детей?

— Это моя вина, ма, — морщусь. Да, сердце у неё больное, но не настолько же, чтобы инфаркт схватить от новости. — Я я ей изменил.

— Изменил?! — ахает мама. Была бы рядом, наверняка за сердце бы схватила. Стыдно. И хорошо, что не могу сейчас посмотреть ей в глаза.

— Да. Вита узнала и ушла. Пока на месяц. Мы не знаем, что будем делать дальше.

— Как что? Семью спасать, разве по-другому можно? У вас дети!

Так тоскливо от этих слов становится. Кому полегчает, если мы ради детей будем лямку тянуть?

— Это нам решать.

— Нечего тут решать! Возвращай жену в семью и вымаливай прощение.

Когда надо, мама умеет быть категоричной. Объяснять ей что-то в таких случаях бесполезно, проще согласиться.

Всю неделю верчусь, как белка в колесе: отвезти в школу, проконтролировать, дошли ли потом до своих спортивных секций, позвонить приходящей два раза в неделю домработнице, чтобы узнать, какие продукты докупить. А ведь ещё есть работа, проблемы, задачи, которые постоянно надо решать, переговоры с новыми клиентами, встречи с постоянными, проверенными. К пятнице я выжат досуха. С Витой несколько раз созванивались, консультировался по моментам, связанным с учёбой. Она, конечно, тоже девчонкам звонит, но вижу — мамы им не хватает. Мне же, почему-то, стало лучше. Проще. Или от того, что загружен под завязку, времени на рефлекссию нет.

Впереди выходные, можно, наконец, выдохнуть и расслабиться. С Андреем договорились, что придет — в бар тащиться не хочу, в другой раз. Самое время остановиться, подумать, как дальше быть. Две недели уже прошло, а решения как не было, так и нет.

— Как банально: решать проблемы бухлом, — иронично хмыкает Андрей, глядя на накрытый стол. Мясные нарезки, сырные, огурцы маринованные и водка. Никаких вискарей,

коньяков — родная беленькая. В последний раз её пил курсе на втором. Вообще пью редко, не люблю состояние размазанного по асфальту плевка. Сейчас самое то.

— Не решать, братан, просто забыться. — Разливаю по рюмкам, поднимаю тост: — За отсутствие мозгов.

— Ты так и не сказал, что за повод. — Андрей громко хрустит огурцом.

— Сам догадаешься? — снова наливаю. Как там говорят? Между первой и второй

— Ну, грузины тебя точно не так сильно довели. С кем посрался? С женой или с любовницей?

— Она всё узнала, — усмехаюсь и качаю головой. — Знаешь, так просто, оказывается, всё потерять.

Андрей молчит. Сам наливает, выпиваем.

— Съехала на съёмную квартиру, неделю уже там живёт. Я с дочками — здесь.

Когда произносишь это вслух, звучит ещё абсурднее. Жена бросила. Где-то тут должен быть закадровый смех.

— А что с Ликой?

— Не знаю. Надо заканчивать.

— В смысле? Ты, вообще, чего хочешь? Чтобы Вита простила? Тогда ещё вчера бросить надо было. Или она уже перешла из сладкой писечки во что-то серьёзное? Бля, Кот, как ты в это дерьмо вляпался?

Если бы только знал! Почему нельзя сразу с двумя остаться? Меня бы на обеих хватило. Сука-а! Зарываюсь пальцами в волосы. Слышала бы эти мысли Вита, о прощении можно сразу забыть.

— Дело, конечно, не моё, — продолжает Андрей задумчиво, — но, если ты не можешь определиться, как по мне, это уже ответ. Ты почему с Ликой связался? Сам же говорил, что Вита больше не возбуждает. Хотя я до сих пор не понимаю, что тут может не возбуждать, она же у тебя шикарная! Но ладно, это лирика. На одну встаёт, на другую — нет, выбор очевиден.

— Было бы всё так просто. Вита не только про секс, мы пятнадцать лет женаты, она Родная, понимаешь!

— Не понимаю, жены нет. Для меня женщины никогда родными не становились, как перестаёт тянуть, сразу за порог.

— С таким подходом тебе точно не надо жениться.

— Ага. Давай, скажи ещё, что у тебя не так. За порог не выставил, зато на сторону сам свалил. Она же с тебя теперь с живого не слезет, запилит так, что по гроб жизни виноватым будешь. Это ж бабы! Они каждый косяк годами припоминают, а тут не косяк, тут Метеорит в дом прилетел.

Андрей разводит руками. Молча выпиваем, выдыхаю. Сам об этом думал: даже если простит, не забудет. Будет выедать мозг чайной ложечкой, или, наоборот, доводить демонстративным молчанием. Кому от этого станет лучше?

— Не хочу разводиться, — говорю заученно, но вдруг замираю. Прислушиваюсь к себе. Плюсы сохранения брака в чём? А минусы развода? Определим порядок общения с детьми, дом продадим, им две трети, себе возьму квартиру в ипотеку, доход позволяет быстро выплачивать. Алименты на мне, естественно, если Вита с дочками останется. Если же нет. Такой вариант даже не рассматриваю. Она замечательная мать, не сможет долго без них жить. Это сейчас ушла перебеситься. Подумает и наверняка к тому же выводу придёт.

— Будем разводиться.

— У тебя, что, биполярка? То не хочу, то буду разводиться. Там, в голове, есть кто-то? — Андрей стучит пальцем по моей макушке.

То ли водка подсказала выход, то ли я сам до него дошёл. Хочу попробовать с Ликой. Не два-три раза вместе — чаще. Ходить с ней куда-нибудь, просыпаться рядом, готовить вместе.

А Вита Тяжело, конечно, оставлять её, но раз на двух стульях не усидишь, хочу выбрать тот, что мягче. Пусть он не такой удобный и привычный, это даже хорошо. А Вита обязательно найдёт себе другого со временем. Про это, правда, думать совсем не хочется. Достаю телефон, Андрей тут же вырывает.

— Кому бы ты ни собирался звонить, сперва протрезвей. Такие вопросы на пьяную голову не решают.

— А мне кажется, именно на пьяную и надо.

Становится весело и как-то легко. Загибался от чувства вины и неопределённости, но впереди наконец замаячил выход.

— У меня новый тост, — поднимаю рюмку. — За развод!

Глава 11

Виолетта

Пятый пропущенный от Тани. Подругу можно понять: у меня завтра день рождения, а я в упор игнорирую все вопросы о том, как будем отмечать. Никак. Хорошо, что в этом году решила не снимать ресторан, пришлось бы бронь отменять. Хотела отметить с домашними вкусняшками, заморочиться с готовкой. Даже нашла несколько новых блюд в интернете, но в итоге заберу девчонок и посидим где-нибудь в кафе. А с Таней потом соберёмся. Со вздохом беру, наконец, трубку, а то окончательно обидится.

— Ну, наконец-то! До тебя, как до Кремля, не дозвониться! Хотя мне уже кажется, что туда позвонить проще. Ты куда пропала?

— Прости, замоталась что-то. Сразу говорю — отмечать не буду.

— Что так? Ты же говорила, что дома посидим. Или вы после отпуска решили только вдвоём с Костей отпраздновать? На романтику потянуло?

Мы пока сами не поговорили, поэтому сор из избы выносить рано. Отвечаю уклончиво, пусть сама выводы сделает.

— Не обижайся. Мы с тобой обязательно устроим девичник, хорошо? Сто лет просто вдвоём не сидели.

— Ладно, — ворчит Таня. — Но с тебя тогда Просеко! А то я подарок уже купила.

— Конечно, с меня стол, кто спорит! Только чуть позже, сейчас вот совсем никак.

Сейчас у меня в планах консультация с юристом: дети несовершеннолетние, через Госуслуги никак не разведут, придётся идти в суд. Понимаю, надо что-то решать с определением места жительства дочек, но за дни одиночества осознала — как бы ни любила девчонок до потери пульса, оказывается, устала от них. Иногда надо отдыхать, хоть недолго, и дни, когда они проводят с Костей, уже не горькая каторга, как в самом начале переезда, а заслуженный отдых. Конечно, прежде всего надо будет с ними обсудить, конечно, они хотят видеть маму постоянно рядом. Но у мамы тоже ресурс не бесконечный. А ещё иногда проскакивают гадкие мысли, за которые стыдно

Почему я должна и дальше тащить на себе все прелести родительства, а Костя с любовницей станет воскресным папой? Со временем у него могут там дети появиться, родные, вполне возможно, станут не нужны. Таких историй вокруг сплошь и рядом полно. Но и манипулировать детьми так мерзко!

Ещё о доме надо подумать. Если он решит там остаться, буду подавать на компенсацию, пусть выплатит мне долю, вкладывались вдвоём. Но, опять же, из-за неопределённости с проживанием детей, поделить всё будет не так просто. Почему столько препятствий?! Иногда кажется, что пока лучше не доводить непосредственно до развода, штамп в паспорте — всего лишь штамп, можно просто разъехаться. Живут же люди в гражданском браке, без росписи, так и разойтись можно без походов по судам. Если кому-то из нас захочется снова узаконить отношения, тогда и пойдём. Не знаю, правильно рассуждаю, или нет. Пока кажется, что прагматично, но с момента, как узнала о Костиной измене, не могу полагаться на трезвый рассудок. До сих пор иногда как в тумане, по инерции. До сих пор до конца не дошло, что это конец.

Утром первой звонит мама: как всегда забыла про разницу во времени, у них уже десять, у нас — шесть. Тепло поздравляет, желает всего, что обычно желают замужним женщинам: чтобы муж любил, дети радовали, была здоровая и активная. Отношения с Костей у них давно на уровне «позвонить и поздравить с праздником». Никогда между ними тепла не было, не знаю, почему. Мы же с самого начала отдельно жили, скандалов не было, но и любви не появилось.

— Как у Сергея дела? — спрашиваю чисто из вежливости. Со вторым маминым мужем не сложилось у нас от слова «совсем». Главное, что ей с ним хорошо, просто мне он неприятным кажется. Это, кстати, одна из причин, почему мы почти не видимся. Впрочем, не могу сказать, что сильно скучаю. Много всего в детстве было, во взрослую жизнь обиды не стала тащить, прикрыла за ними дверь и зажила сама по себе, а мама — сама. Вот и сейчас выслушиваю получасовой рассказ о том, какой Сергей замечательный бизнесмен, какой умница, а ещё дома недавно унитаз поменял. Ни одного вопроса о том, как я, как внуки. Разговор иссякает, когда у мамы заканчиваются дифирамбы второму мужу. Напоследок она всё-таки спрашивает, как у нас дела.

— Нормально, — отвечаю и с облегчением заканчиваю разговор.

Следующий звонок от курьера. Ничего не доставляла, но любопытство гложет. Букет, небольшой, красивый. От Кости. Записка максимально сухая: «С днём рождения. Костя» Как будто одолжение сделал. Мол, посмотри, я помню, не забыл. Желание выбросить букет в ведро пересиливает жалость — цветы же ни в чём не виноваты. А вот записка, порванная с наслаждением, отправляется в мусорку.

На работе засыпают поздравлениями и пожеланиями здоровья и счастья. Коллеги улыбаются, предвкушают небольшой сабантуй — начальство разрешило закруглиться на полтора часа раньше, как раз нам посидеть, а потом за девочками и в кафе. В обед выскакиваю в магазин за вином. Доставку еды заказала, а вот алкоголь надо лично покупать. Брожу между полок в поисках любимого чилийского моих сотрудниц, убеждая себя, что всё в порядке. Но внутри всё дрожит, впервые день рождения — настолько грустный праздник. Утренний поцелуй, праздничный завтрак от дочек и мужа, обязательно маленький сюрприз, что они приготовили все вместе — в прошлом. Я создавала традиции бережно, как вяжут кружево: два раза в неделю совместный ужин и просмотр фильма, праздники всегда вместе, пироги по воскресеньям. Наверное, слишком много хотела. Смотрела фотографии чужих семей и мечтала, чтобы у нас было так же. Думала, отдаю себя родным, но, выходит, просто работала на красивую картинку.

Букет от Кости до сих пор из головы не идёт. Что это был за жест? И неужели нельзя было хотя бы позвонить и лично поздравить? В глубине души я ждала звонка. Может, гордо не взяла бы трубку, но он хотя бы дал понять, что не всё равно. Очевидно, встречаться лично он пока не готов. Что ж, вечно бегать не сможет, в любом случае, нам очень скоро надо будет принимать решение и садиться за стол переговоров.

Бумажный пакет с бутылками не тяжёлый, но не слишком удобный. Надо было на машине ехать, но я зачем-то решила пройтись, голову проветрить, поэтому, когда звонит телефон в сумочке, приходится срочно искать ближайшую лавку, сгружать пакет и рыться в поисках телефона. Конечно, он на самом дне, звонит Тома.

— Мамулечка-красотулечка, с днём рождения! Всего-всего тебе самого прекрасного, я тебя очень-очень люблю!

Что-то слишком много энтузиазма в голосе. Предвкушаю не слишком радостную новость и не ошибаюсь:

— Мам, меня тут девчонки сегодня позвали на пижамную вечеринку, я забыла, что у тебя сегодня день рождения, поэтому согласилась. Скинулись уже, там все будут. Ты не обидишься, если я приеду тебя поздравить потом? Ты сегодня можешь с крёстной посидеть, а с нами — потом.

— А у Насти что? — спрашиваю, пытаюсь скрыть горечь.

— Ой, она тебе позвонит позже, у неё там что-то с соревнованиями, надо готовиться. Она сказала, что если я не пойду, то лучше мы потом втроём соберёмся. Хорошо?

Отпущу я или нет — за меня всё равно уже решили. Настроение скатывается до минус десяти по Цельсию, комок встаёт в горле. Жаль, нельзя прямо сейчас развернуться и уехать

домой — перед коллегами неудобно. Придётся ещё минимум час изображать радость, пока на душе скребётся боль. Бодро говорю дочке, что ничего страшного не произошло и мы обязательно соберёмся потом. Если бы всё было по-прежнему, я бы вообще не обиделась. Что им на взрослом празднике делать? И так за столом обычно не засиживались, высказывали и разбегались по своим делам. Но рядом оставался Костя, Таня со Стасом, свекровь Купить себе, что ли, крохотный торт с одной свечкой, чтобы не грустить, как Иа-Иа? Жаль, ко мне никакие друзья не придут, даже с лопнувшими шариками. Тяжело вздохнув, поднимаю пакет и хмурюсь — прямо под ним лежит телефон. Яблоко последней модели, естественно, запароленный. Оглядываюсь — никого рядом нет, только вдалеке мамочка с коляской гуляет, но у неё в руке телефон. Насколько я знаю, на такие обычно ставят геолокацию, но не оставлять же прямо тут, на лавочке! Уверена — хозяин обязательно найдётся, мне чужого не надо. Пока кладу телефон в сумочку и иду к офису — закуски уже привезли.

Чужой телефон звонит, когда праздник в самом разгаре. Юра зачем-то принёс водку, кто-то из девочек присоединился к нему, голоса постепенно становятся громче. Хорошо, что завтра выходные, но возглавлять этот хаос я не собираюсь. Выпила пару глотков вина, на этом всё, ещё за руль садиться. Не сразу понимаю, откуда раздаётся мелодия — стандартная, сейчас вроде песни не модно ставить. Принимаю вызов, голос на другом конце мужской, глубокий.

— Здравствуйте. Это хозяин телефона. Скажите, я могу заехать за ним через час?

— Здравствуйте, — отвечаю, косясь на начавшиеся танцы. Ещё час я тут не выдержу. — Нет, мне это неудобно. Но мы могли бы встретиться на набережной.

Называю примерный адрес, эта набережная и от офиса не сильно далеко, и к квартире близко. Мужчина соглашается, только просит сместить время встречи ещё на полчаса, говорит, что может не успеть. Мне как раз спешить некуда.

Мой уход никого не огорчает, наоборот, все советуют оторваться сегодня по полной с семьёй. Киваю, слабо улыбаясь, и скорее наружу. Слишком душно вдруг стало от всего и сразу. Поздравления кажутся натянутыми, улыбки — фальшивыми. Может, потому что трезвая и не вписываюсь сейчас в общее настроение, а может, просто начинает накатывать обида на сегодняшний день.

На набережной ветрено, по небу бегут клочковатые серые облака. Ещё светло, но фонари уже зажглись и отражаются в воде. Плотнее запахиваю плащ, прячу руки в рукавах. Припарковалась недалеко, удобно — хоть что-то хорошее случилось. Надеюсь, хозяин телефона не опоздает, хочется уже домой, под плед, убивать себя грустными песнями.

Не знаю, что за чутьё срабатывает, но почему-то сразу понимаю, что мужчина, который направляется ко мне, именно тот, кого жду. Походка энергичная, но не стремительная, скорее, целеустремлённая. Чёрное пальто распахнуто, видно алую подкладку. Классический тёмный костюм, белая рубашка, без галстука. Чем ближе подходит, тем быстрее начинает биться сердце. От такого взгляда хочется держаться подальше — слишком острый.

— Это вы. — Он не спрашивает — утверждает. Киваю и протягиваю телефон. — Спасибо.

Телефон скрывается во внутреннем кармане пальто, а между указательным и средним пальцами вдруг появляется две купюры по пять тысяч.

— Зачем мне ваши деньги?

— За информацию в этом телефоне многие отдали бы в сто раз больше. Возьмите, я правда вам благодарен.

— Не надо мне денег, — внутри поднимается возмущение. Что за люди пошли? Забыли, что бывают бескорыстные добрые дела?!

— Простите, не хотел обидеть. Привычка.

— За всё платить? — не могу сдержать сарказм.

— И это тоже. — Его взгляд становится глубже, глаза светлые, но цвет не разобрать. Губы только сейчас разглядела — пухлые. — Привык платить женщинам.

— Отлично. Вы меня сейчас к проституткам приравняли? — спрашиваю сухо. Неприятный тип.

— Я имел в виду подарки, а не то, о чём вы подумали. Но, — он усмехается, — каждый думает в меру своей распушенности.

— Рада была помочь, — говорю и собираюсь уходить, но он останавливает коротким:

— Подождите. — Как же умело человек манипулирует голосом! Только что насмеялся, а теперь полон раскаяния. Даже голову опустил, смотрит исподлобья. — Давайте начнём сначала. Я правда благодарен. Позвольте хоть кофе угостить в качестве извинения за невольное оскорбление.

Меньше всего я хочу пить кофе или вообще проводить время с этим хамом, но дома ждёт одиночество и мысли, так хоть взбодрюсь. Милостиво киваю, и он моментально расслабляется.

— Меня зовут Владислав. Можно просто Влад.

— Виолетта.

— Красивое имя. Ты замужем? — он опускает глаза на руку, где до сих пор красуется кольцо.

— Это важно для чашечки кофе? — хочется спрятать руку в карман. Давно надо было кольцо снять.

— Для простого кофе совершенно неважно. Я, например, не женат.

— Очень ценная информация. — Постепенно начинаю жалеть, что согласилась. Влад не выглядит тем, кто подкатывает на улице, но его самоуверенность раздражает. Как будто все вокруг должны сознание терять лишь от того, что он соизволил с ними заговорить. Он вдруг мягко, едва касаясь спины, подталкивает вперёд, заставляя идти.

— На самом деле ценная. Я привык делать вывод, основываясь на первом впечатлении, и ты не производишь впечатление семейного человека.

— Надо же! А какое произвожу? — разговор странный, Влад странный, но именно поэтому напряжение постепенно отпускает. Надо расслабить мозг, отвлечься.

— Если отвечу честно, ты обидишься и не согласишься на кофе. Кстати, будешь права.

Смотрю на него — улыбается, словно ждёт, как я попадусь на крючок любопытства. Пожимаю плечами.

— Прибереги честность для других, я честными людьми в последнее время сыта по горло.

— Хорошо, — легко соглашается он. — Тогда приберегу откровения до нашей следующей встречи.

— С чего ты взял, что она будет?

— Интуиция подсказывает.

Я не заметила, как мы дошли до марокканской кофейни. Много раз мимо ходила, но внутри ни разу не была. Влад распахивает передо мной дверь, и нос улавливает аромат кофе.

— Не люблю самоуверенных мужчин, — говорю вполголоса.

— А я очень люблю знающих себе цену женщин.

— Мы опять говорим о цене, — качаю головой.

— О ней говоришь только ты, я молчу.

И снова эта улыбка, и взгляд, который мягко мажет по плечам, когда я снимаю плащ. В честь праздника на работу надела платье, которое в офисе единодушно признали шикарным. Вижу, что Влад тоже оценил. Администратор отводит к свободному столику, разговор продолжается только после заказа.

— Итак, ты замужем, но легко согласилась выпить кофе с незнакомым мужчиной. Мы снова подходим к моему первому впечатлению, в котором я убедился почти на сто процентов.

— Вижу, тебя ничего не остановит. Говори уже.

Влад слегка наклоняется вперёд, кладёт ладонь совсем близко с моей и удерживает взгляд. Тянет медленно:

— У тебя глаза женщины, которую всё достало настолько, что она хочет одного — не думать о дерьме, в котором оказалась. Ты хочешь забыться, поэтому согласилась на кофе. Потому что дома ждёт нелюбимый муж, может, доставшие дети. Ты не хочешь идти домой и готова провести время с человеком, который тебе даже не нравится.

— Какой глубокий анализ, — иронизирую, а сама думаю: неужели так ярко на лице всё написано?! — Только всё мимо, доктор Фрейд. Дома меня никто не ждёт, хотя в одном ты прав — я согласилась от скуки.

— Вторую часть своего анализа я всё же приберегу до новой встречи. — Отшатнувшись, Влад складывает руки на груди.

— Я все ещё не помню, чтобы давала на неё согласие.

— Дашь. Потому что в ответ я дам тебе то, что ты хочешь — возможность забыться.

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.